

Российская Академия Наук

Отделение историко-филологических наук

К.А. Соловьев

**RES PUBLICA
В ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛА XX ВВ.)**

Москва 2020

УДК 321.011; 340.15
ББК 67.3
С60

К.А. Соловьев

RES PUBLICA в общественной мысли России (вторая половина XIX – начала XX века) – М.: РАН, 2020. – 52 с.

ISBN 978-5-907366-02-2

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований международными научными коллективами научных исследований «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.», проект № 19-48-04112.

Подготовка данной публикации была осуществлена в рамках деятельности проектной группы «Интеллектуальная история права: от идей к институтам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

Работа посвящена эволюции представлений о республике, государстве и формах правления в общественной мысли России второй половины XIX – начала XX вв. В этот период «сталкивались» различные версии интерпретации политического режима империи, а также перспектив ее развития. Собственно республиканская идея не была популярной. Тем не менее, позитивистское прочтение феномена государственности не устраивало многих интеллектуалов разных идеологических направлений. Они не принимали идею суверенитета, непреложности примата верховной власти и искали иные основания политической общности народа, нации, «земли». В сущности, они выходили на проблематику res publica, не называя вещи своими именами.

ISBN 978-5-907366-02-2

© К.А. Соловьев, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения. Республиканизм без республиканцев. Опыт осмысления res publica во второй половине XIX – начале XX вв.	4
Самодержавие и Герцен	8
Контр-государство славянофилов	12
Христианское государство Владимира Соловьева	27
В поисках нового государства	30
Парламентский антиреспубликанизм	34
Республиканская идея в 1917 г.	38
Заключение	48

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

РЕСПУБЛИКАНИЗМ БЕЗ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ. ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ RES PUBLICA ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Республиканская тема относится к числу «модных» в историографии. Тому много объяснений. Но главное из них – случай: научное открытие удачно совпало с общественной потребностью обновления идеологического гардероба эпохи. К. Скиннер обнаружил *res publica*, интерпретируя тексты мыслителей Раннего Нового времени¹. За этим понятием скрывалась традиция, рефлексия и целый категориальный ряд. «Археология понятий» выявила важный структурный элемент политической мысли, представлявшийся практически неизведанной для современного автора. Он, в свою очередь, остро нуждался в такой точке отсчета.

На нынешнем этапе развития общественных наук традиционная дифференциация форм правления лишь очень приблизительно соотносится с практикой. Речь идет не просто об идеальных конструкциях, но идеальных конструкциях XVIII в. Практика говорит о существовании принципиально иных демаркационных линиях, которые лишь отчасти получили отражение в современной политической и правовой теории.

Действительно к феномену политической власти можно подходить с разных сторон.

Прежде всего, политика – это сфера воображаемого. Это образы настоящего и проекции будущего. То, что видят все, – специально уготовано к тому, чтобы все это видели: это мифология власти². Здесь можно выделить два мифа (хотя, разумеется, их существенно больше): вечная империя и предвечная республика. Империя – это глобальный порядок, который, правда, может быть, реализован на ограниченном пространстве. Республика подразумевает принципиально иную мифологию власти. Если империя строится вокруг понятия «порядок», то для республики

¹ Скиннер Кв. Свобода до либерализма / пер. с англ. А.В. Магуна; науч. Ред. О.В. Хархордин. СПб., 2020.

² См.: Хейнелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего нового времени / перевод с англ. А.А. Паламарчук, Л.Л. Царук, Ю.А. Малахова; отв. ред. С.Е. Федоров.. М., 2003. С. 239 – 240.

ключевой термин – «народ»³. Данное понятие весьма туманное, лишенное конкретных очертаний – и все же подразумевающее тотальное участие всех в общем деле.

Возможна и иная классификация: согласно принципам организации управления. С большой долей условности можно выделить две модели: бюрократическую и самоуправляющуюся. Естественно, в «чистом виде» ни одна, ни другая не существуют и существовать в принципе не могут. Важна доминантная точка в управленческой системе. Кто определяет правила: эксперт, владеющий управленческой техникой, или общественный деятель, представляющий местные, зачастую собственные интересы? Всякий раз на этот вопрос ответ дается особый. В зависимости от этого выстраивается понимание государства, в любом случае альтернативное тому, что несомненно для адептов теории юридического позитивизма.

Наконец, к феномену власти, по крайней мере в Европе, можно подходить иначе, отмечая генетические черты того или иного режима, а именно его укорененность в «старом», «феодальном» порядке⁴. Не вдаваясь в детали и в историографию вопроса, в бесконечные и несомненно оправданные терминологические споры⁵, можно утверждать, что феодализм – это тотальное доминирование частно-правовых отношений, а значит это распыленность «приватизированной» власти⁶.

Как бы не подходить к этому вопросу, власть – трудный предмет для изучения: вообще и в России тем более. Проблема в том,

³ Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. с англ. Т. Пирусской. М., 2020. С. 538 – 539.

⁴ Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / перевод с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова, Е.А. Прудниковой. М., 2002. С. 193 – 195. По словам английского историка Р. Маккенни, в Западной Европе XVI в. шло «становление государственности как абстрактной идеи, а не образования, отождествляемого с конкретным правителем». Результатом этого интеллектуального процесса, занявшего по меньшей мере целое столетие, стали идеи, сформулированные в работах Ж. Бодена (*Маккенни Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт* / перевод с англ. С.Б. Володиной. М., 2004. С. 111). См. также: *Скиннер К. Истоки современной политической мысли: В 2 т. М., 2018. Т. 2. Эпоха Реформации. С. 521 – 524, 534.*

⁵ Дубровский И.В., Уваров П.Ю. Феодализм в представлении современных медиевистов // *Всемирная история: В 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 16 – 32.*

⁶ *История частной жизни: под общей редакцией Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 2. Европа от феодализма до Ренессанса / под ред. Ж. Дюби. М., 2015. С. 20 – 25.*

что Российская империя XIX столетия не была цельным, монолитным образованием. Разнообразие правовых регистров, имевших место в стране, – хорошо известный факт. Формы общественной жизни драматически отличались в пределах различных сословий, социальных групп, в деревне и в городах, в мегаполисах и уездных центрах. В этой связи неверной кажется сама постановка вопроса о характеристике российского общества. Его не было, или точнее было множество социумов. Было ли в России гражданское общество? Было, но в определенных жестких социальных рамках. Было ли в России общество современное или традиционное? И то, и другое.

Все это объясняло и асимметричность развития, и сложность организации властных отношений. Российское правительство поворачивалось к своим подданным разными сторонами. Более того, в ряде случаев его длань чувствовалась настолько слабо, что можно даже сказать, что ее не было. По этой причине понятие «империя» куда лучше подходит к России начала XX столетия, нежели термин «государство». У администрации не было ресурсов – ни материальных, ни людских – для установления монополии на насилие. Стабильность порядка строилась не вокруг концепции суверена, осуществлявшего безграничную репрессивную власть, а вокруг ряда негласных конвенций, важнейшая из которых – всеобщее безразличие к идее верховной власти. Это не означало постоянного и тотального спокойствия. Напротив, под существовавшим порядком неизменно дрожала почва. Социальное недовольство, не имевшее шанс стать политическим, – в традиционном обществе явление столь же естественное, как снег или дождь.

Российский пример лишний раз оттеняет тот факт, что власть нельзя свести к правительственным учреждениям и их руководителям. «Власть же – это нечто гораздо более сложное, гораздо более плотное и рассеянное, чем какая-либо совокупность законов или какой-то государственный аппарат»⁷. Иными словами, власть – это невидимые нити, связывающие общество воедино, а не надменные правительственные чиновники. Власть – это бытующие в обществе практики господства и подчинения, которые реализуются в повседневной жизни и на которые даже не обращают внимание, так как они кажутся настолько естественными. М. Перро это назвал системой «микровластей», с которыми любой человек сталкивается чаще, чем с правительствен-

⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002. Ч. 1. С. 238.

ными агентами⁸. Это было «сущее», которое не соответствовало «должному».

Любое европейское правительство Нового времени так или иначе стремилось к тотальности. Оно пыталось обратить абсолютную монархию в абсолютное государство⁹. М. Фуко видел во Французской революции конца XVIII в. важный поворот в истории власти как таковой. «Ибо та власть, что станет осуществляться на уровне повседневной жизни, больше не будет властью близкого и одновременного далекого монарха, всемогущего и взбалмошного, источника всяческого правосудия и объекта любого соращения, политического принципа и чудодейственной силы; она будет составлена из тонкой, сплошной, дифференцированной сети, в которой будут непрерывно сменять и поддерживать друг друга разнообразные установления правосудия, полиции, медицины, психиатрии. И дискурс, что будет складываться в ту пору, больше не будет обладать прежней театральностью, искусственной и неумелой: он разовьется в некий язык, который начнет притязать на то, чтобы быть языком наблюдения и беспристрастности»¹⁰. Иными словами, на рубеже XVIII и XIX вв. власть в странах Западной Европы сменила язык собственного описания. Театральность была замещена наукообразием.

В России XIX столетия этот процесс завершен не был: оба языка наложились друг на друга, путаясь и взаимно дополняя. Соответственно, складывавшаяся в стране политическая теория искала необычные пути описания государственных институтов, существовавших и желаемых. Не всегда стоит доверять ее категориальному ряду. Она только нащупывала свое понимание политической общности.

⁸ Там же. С. 245.

⁹ Шмитт К. Понятие политического / перевод с нем. Ю.Ю. Коринца, А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбелева. СПб., 2016. С. 176. В частности, К. Шмитт писал: «Абсолютистское государство, принимающее свои формы, начиная с XVI в., возникло именно из краха средневекового, плюралистического, феодально-сословного правового государства и его юрисдикции и опиралось на военных и чиновничество. Поэтому в существенной мере это государство исполнительной власти и правительства» (Шмитт К. Государство: Право и политика / перевод с нем. и автор вступ. ст. О.В. Кильдюшова. М., 2013. С. 118). Шмитт предлагал разводить патримониальную монархию, когда король является вождем лично преданной ему свиты, и чиновную, характерную для государства Нового времени, когда правитель стоит во главе корпорации бюрократов (Он же. Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. С. 158 – 159). Причем в условиях все более рационализировавшейся публичной сферы монархия утрачивала свое безусловное значение, обращаясь лишь в символ власти, от которого рано или поздно можно избавиться (Там же. С. 161).

¹⁰ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002. Ч. 1. С. 270.

САМОДЕРЖАВИЕ И ГЕРЦЕН

Опытный чиновник, главноуправляющий путями сообщения К.В. Чевкин, по оценке П.А. Валуева, был искренний и отчаянный «абсолютист», но и он смутился, когда в октябре 1861 г. новый министр внутренних дел (как раз Валуев) заметил, что при нынешнем положении управлять по-прежнему уже невозможно. Из десяти чиновников любого министерства можно положиться лишь на одного¹¹. Приходилось признавать шаткость оснований действующей власти, мнимость автократии и повседневные практики «централизованной анархии»¹². Политические формы Российской империи – это в известной мере terra incognita. Историки в большинстве случаев доверяют «официальному» мифу о власти – и это при том, что ему не доверяли современники, включая и высших государственных служащих. Все разговоры о ней можно свести к идее абсолютной власти императора, которая на деле не казалась абсолютной и самому царю¹³.

Проблема в том, что правительство делало вид, что верит в безупречность бумажной империи, которая создавалась неустанным трудом многочисленных канцеляристов. В эмиграции, много лет спустя после крушения старой России П.М. Бицилли писал М.В. Вишняку в конце 1920-х гг., что традиционно самодержавию не хватало воображения¹⁴. Оно искренне верило в делопроизводственный формуляр. В том числе, и по этой причине политическая система Российской империи фактически оставалась без должного теоретического описания.

Современное государство – это, в сущности, средневековые институты, понятые в рамках современного научного мировосприятия. Это обстоятельство создает неминуемый зазор между технологией и мифологией власти, между механикой управления и его социальным содержанием.

Дисбаланс между образом и их институциональным оформлением остро чувствовался современником. Характеризуя политический режим Российской империи, А.И. Герцен писал: «Россия

¹¹ [Валуев П.А.] Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел в двух томах. М., 1961. Т. 1. С. 120 – 121.

¹² Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 205 – 232.

¹³ Там же. С. 42 – 45.

¹⁴ «Современные записки» (Париж, 1920 – 1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М., 2012. Т. 2. С. 509.

в полном смысле слова управляется адъютантами, указами, писарями и эстафетами. Сенат, Государственный совет (учреждение более позднее), министерства – не что иное, как канцелярии, в которых не спорят, а исполняют, не обсуждают, а переписывают. Вся администрация представляет собой крылья телеграфа, с помощью которого человек из Зимнего дворца изъясляет свою волю». Возникает закономерный вопрос: а есть ли вообще этот человек «из Зимнего дворца»? Или, точнее, значит что-либо его воля? «У нас, если император убит, остается дисциплина, остается бюрократический порядок; лишь бы телеграф действовал, ему будут повиноваться...»¹⁵

Герцен вплотную подходит к проблеме дисциплинарных практик. Власть, в сущности, деперсонализована. Есть, конечно, царь. Он, прежде всего, носитель образа власти. Куда важнее ее практики, которые постепенно оттачиваются, совершенствуются, механизмируются. Они определяют параметры решения, коридор возможностей для всех участников политического процесса. Речь идет об обезличивании суверенитета, о государстве, которое обретае́т плоть, не будучи представленным конкретными людьми.

Альтернатива ему – республика. По словам Герцена, «над общиной должно было бы стоять только национальное единство, *res publica* (земское дело) или руководящая власть»¹⁶. Т. е. в сочинениях А.И. Герцена республиканское начало прочно ассоциировалось с земским принципом. В понимании Герцена республиканское начало противостояло правительственному, террористической диктатуре, цезаризму¹⁷. По мнению Герцена, «петербургское императорство» с момента своего возникновения – это «предваряющий бонапартизм». «Это институт временный, это диктатура, осадное положение»¹⁸. Иными словами, российская власть функционировала как чрезвычайная. Тем самым Герцен подчеркивал деструктивный характер существовавшего в России государства. Оно не устанавливало правопорядок, а скорее нарушало его.

По оценке Герцена, если США были своего материализацией идеи Просвещения XVIII в., Россия – концепции абсолютизма,

¹⁵ Герцен А.И. Старый мир и Россия // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1957. Т. 12. С. 191.

¹⁶ *Он же*. Русское крепостничество // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1957. Т. 12. С. 53.

¹⁷ Там же. С. 54.

¹⁸ *Он же*. Годовщина польского восстания в Лондоне // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1957. Т. 12. С. 129.

доведенной до своей крайности¹⁹. Здесь Левиафан обрел плоть и кровь и это при том, что идея государственности была традиционно чужда славянским народам²⁰. Так было в XVIII столетии. Ситуация мало изменилась в годы царствования Николая I. Император сделал попытку обратить петербургскую империю в новую Византию. Но этого у него не получилось. Новое национальное содержание прежнего государства существовало только лишь в виде риторических фигур²¹.

В понимании Герцена любая монархия – своего рода теократия, так как она подразумевает в правительстве «доброе пастыря», который не может слиться со своим народом. Он всегда только рядом и даже зачастую выше его. «Монархия всегда любила приравнивать себя к небесному порядку; республика, более смиренная и совсем земная, должна уподобиться природе. Природа – это гармония и анархия, это особенное каждого отдельного существа и в то же время величайшее и наиболее совершенное всеобщее»²².

Соответственно, монархия – это провидение, это постоянное и неуклонное целеполагание. Это политическая жизнь, наполненная символами. Республика – это естественное состояние вещей, это не аллегория, а природа²³. Однако, по мнению Герцена, подлинных республик в истории человечества пока не было. Исследователь скорее сталкивается как раз с многочисленными риторическими фигурами, а не политическими институтами²⁴.

Вместе с тем, отличие идеальной республики и монархии носит фундаментальный характер. Монархия лишает человека воли. Она все делает за него. По мере сил контролирует каждый его шаг²⁵. В сущности, Герцен ставит вопрос не о монархии, а о государстве, которое формирует ложную мораль, подчиняя себе безраздельно волю каждого человека. Эта фальшивая норма передается из поколения в поколение. Кому-то она может показаться

¹⁹ *Он же*. Старый мир и Россия // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1957. Т. 12. С. 172.

²⁰ Там же. С. 185.

²¹ Там же. С. 196.

²² *Он же*. Дуализм – это монархия // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1957. Т. 12. С. 226.

²³ Там же. С. 227.

²⁴ Там же. С. 227.

²⁵ Там же. С. 228.

бессмысленной риторической фигурой. В действительности это не совсем так. Она становится частью не подписанного договора, которому так или иначе следуют все. Изменить ситуацию сможет лишь революция²⁶.

Народничество отталкивалось от герценовского наследия, во многом переосмысливая его. В сочинениях П.Л. Лаврова республиканское начало заменялось федеративным. Оно должно было стать сменщиком государственного уклада, подавлявшего личность. В данном случае федерация – это не форма государственного устройства, это отказ от самого государства. Политическая общность должна стать принципиально иной²⁷. Это мог быть союз коммун, а не навязанная извне воля сюзерена. Такого рода федерация «растет» снизу²⁸. Она подразумевает политическое творчество народных масс. В какие формы оно выльется, сказать с точностью нельзя. Это в известной мере обесмысливало разговор о будущей организации власти. В большинстве случаев он и не интересовал народников.

Позиция народников отчасти смыкалась с точкой зрения их непримиримых критиков. Так, в понимании одного из крупнейших мыслителей консервативного направления К.Н. Леонтьева республика – это, прежде всего, тотальное равенство, отсутствие сословных перегородок. Следовательно, это хаос, это анархическая стихия, размывающая все устои и правила. Речь идет не о форме государственности, а о ее отсутствии. Следует до последнего держаться прежних берегов. На современном этапе противостояние республиканизму – это, прежде всего, упрочение сословных начал²⁹. В понимании Леонтьева демократия – это предсмертные судороги государства. Само по себе утверждение этого принципа должно было вести к распаденню государственной ткани. Характерно, что Леонтьев полагал государство институтом, обеспечившим исторический этап развития человечества³⁰. Соответственно, крушение государства – это конец человеческой истории как таковой.

²⁶ Там же. С. 232.

²⁷ Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. М., 1934. Т. 4. С. 249, 266 – 267.

²⁸ Цимбаев Н.И. Идеи федерализма и федеративного устройства России в общественной мысли // Очерки русской культуры XIX в. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003. С. 684 – 694.

²⁹ Леонтьев К.Н. «Московские ведомости» о двоевластии // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб., 2009. Т. 8. Кн. 2. С. 52.

³⁰ Там же. С. 8.

Авторы консервативного направления предлагали и другую оппозицию: республиканизм по определению атеистичен в то время, монархия основывается на вере³¹. Республика – это мир без Бога, перевернутых ценностей, утраченной морали; это мир последних времен³².

Народники говорили о республике, но, в сущности, были безразличны к ней. Славянофилы же отрицали и республику, но, вместе с тем, искали иные формы государственности

КОНТР-ГОСУДАРСТВО СЛАВЯНОФИЛОВ

По словам П. Бурдые, «государство – это в значительной части плод трудов теоретиков. Когда некоторые философы берутся за работы [Г.] Нодэ [1600–1653] по государственному перевороту, [А.] Луазо [1536–1616]³³ по государству или же работы всех этих юристов XVI или XVII вв., предложивших теории государства, они относятся к ним как к своим коллегам, теории которых они обсуждают, забывая о том, что эти коллеги создали предмет, над которым они размышляют. Луазо или Нодэ, все эти юристы, создали французское государство, и, вместе с тем, они произвели мышление того, кто о них думает»³⁴. Особенность славянофильской теории заключается в том, что она произвела на свет мечту, оставшуюся мечтой, политическую общность, не ставшую политической реальностью. Это поставило приверженцев «московской школы» в заведомо ущербное положение. Тем важнее разобрататься в «лаборатории», в которой ставились интеллектуальные «опыты».

Усадьба Соллогубов располагалась в Замосковоречье, против Николы, что в Толмочах. Там был представлен молодой философ Владимир Соловьев, недавно защитивший свою магистерскую диссертацию. Она вызвала живой интерес в славянофильской среде. Соловьев резко выступил против позитивизма, чем пора-

³¹ Там же. С. 52.

³² Само понятие «республика» несло скорее негативные коннотации. Так, в ходу было словосочетание «судебная республика». Она возмущала публицистов справа. Речь шла о корпорации чиновников, отстаивавших собственные интересы вопреки всем монаршим решениям. Они создавали «государство в государстве», никак не смущаясь формально подчиненной роли (См.: Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1885. Т. 116. С. 860).

³³ Очевидно имеется в виду А. Луазель.

³⁴ Бурдые П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992) / пер. м франц. Д. Кралечкина, И. Кушнаревой. М., 2016. С. 61.

довал его стареющих оппонентов. Среди тех, кто хотел посмотреть на него, была Анна Федоровна Аксакова, дочь Ф.И. Тютчева. «Это была дама 45 лет, невысокого роста, полная и плотная, с очень некрасивым, но оригинальным лицом, и очевидно давно оставившая всякое притязание... быть женщиной в специфическом светском смысле этого слова»³⁵.

Она обратилась к Соловьеву по-русски с очень сильным иностранным акцентом, потом перешла на безукоризненный французский. Это неудивительно, учитывая, что мать А.Ф. Аксаковой (Тютчевой) была немкой, сама же она воспитывалась в Германии и большую часть жизни провела при дворе императрицы Марии Александровны, где чаще говорили по-французски. Впрочем, русский она «основательно знала, очень хорошо на нем писала и могла говорить грамматически правильно, но только с резким немецким акцентом, она прекрасно знала также церковно-славянский язык и была начитана в наших богослужебных книгах». А.Ф. Аксакова говорила о философии Гартмана и Шопенгауэра со знанием дела, спорила с их взглядами, не соглашалась с В.С. Соловьевым. Такой разговор хотелось продолжить, что и было сделано несколько дней спустя в доме на Спиридоновке, где тогда жили Аксаковы. С тех пор Соловьев регулярно посещал аксаковские пятницы, конечно, тогда, когда бывал в Москве³⁶.

Дочь и жена славянофилов А.Ф. Аксакова с нескрываемой безгливостью относилось к западным и южным славянам, представители которых неизменно кланчили деньги у ее супруга – Ивана Сергеевича. Не вызывало у нее больших симпатий и русское простонародье. Его она знала как прислугу и обвиняла в мошенничестве и лживости. По этому поводу в доме Аксаковых неизменно шутили: «На такой-то, как неиспорченное дитя того “святого” народа, которому поклоняется Иван Сергеевич, конечно, должен был произвести такое-то мошенничество»³⁷. А.Ф. Аксакова возмущалась и другим: «Ну, что собственно дало твое славянофильство русскому обществу? Чем было полезно? Какие его результаты? Я вижу только один: что в обществе перестают читать и говорить на иностранных языках. Но ведь это оглушение и одичание! Это бросается в глаза! Сравни только общество, которое мы знали двадцать лет назад, с теперешним!»

³⁵ Соловьев В.С. Из воспоминаний // Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 3. СПб., 1911. С. 275.

³⁶ Там же. С. 276 – 277.

³⁷ Там же. С. 278.

Естественно, вся эта тирада была произнесена на французском языке. И.С. Аксаков ей отвечал тоже по-французски. Он пытался возражать, что уже нет таких людей как Ф.И. Тютчев или А.С. Хомяков. А.Ф. Аксакова ему почти кричала: «Мой отец и Хомяков были, прежде всего, люди европейски образованные, и если это было нужно для них, то тем более нужно для теперешних, которые без помощи культуры совсем пропадут, сделаются такими же животными, как твои возлюбленные мужики». Супруг ей кротко возражал, что сила Тютчева и Хомякова была не в их образованности, а в русских убеждениях. «Неправда, неправда!... Никаких русских убеждений нет, а есть только русская дикость. Ты сам, если имеешь какое-нибудь достоинство, то не потому что русский, а лишь потому, что ты только на половину русский. Все, что в тебе есть хорошего, происходит от твоей татарской крови и от твоего немецкого образования! А теперь вот нашим болванам вместо того, чтобы их сколько-нибудь очеловечить, внушают, что они и так хороши, что им нужно оставаться только русскими, что Европа нам совсем ни к чему, что у нас с нею нет ничего общего!» И.С. Аксаков не отвечал, а только улыбался и издавал нечленораздельные звуки³⁸.

После его кончины А.Ф. Аксакова решилась стать настоящей славянофилкой. Но это оказалось не так просто. Она не понимала, как можно обожать русский народ, а тем более прочих славян. И главное: ей был чужд «государственный принцип славянофильства, который мне никак не удастся согласовать со здравым смыслом»³⁹.

Все в славянофильской среде не укладывалось в догму. Это был европейский дом в Москве – с русскими симпатиями и немецкими книгами. Видимо, это и давало удивительную «химическую реакцию» славянофильства. Необычную трактовку этого течения мысли предложил Ф.М. Достоевского. Дискуссия западников и славянофилов казалась вечной и вроде бы не должна была прекратиться. Однако случилась отмена крепостного права, что и стало подлинным концом петровских реформ. Тогда и о прежних спорах западников и славянофилов подзабыли. И те, и другие поверили в народ и ждали от него политических чудес⁴⁰. Иными словами, этот спор разворачивался вокруг преобразований

³⁸ Там же. С. 279.

³⁹ Там же. С. 281.

⁴⁰ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя, 1876 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1981. Т. 22. С. 40.

Петра I, которые не утратили своей актуальности и к середине XIX в. Это был вопрос о цене полицейского государства, которое было подвергнуто существенной ревизии в 1860-е гг. Славянофильство – это альтернативная версия прогресса. По словам Ф.М. Достоевского, славянофилы «верят в начала русские и уверены, что они заменят и конституцию, и социализм сами из себя, нося в себе зародыши свой правды...»⁴¹

А. Валицкий видел суть славянофильства в реализации консервативной утопии⁴². Едва ли можно с этим вполне согласиться. Славянофильская концепция не вписывается в «прокрустово ложе» больших идеологий. Она оказывается поверх привычных рамок. Отстаиваемая славянофилами в начале 1860-х гг. земская идея подразумевала коренное преобразование всего политико-правового уклада страны. В сущности, речь шла о ее переосновании. 20 марта 1862 г. А.И. Кошелев писал барону В.А. Черкасскому: «Теперь мысль о необходимости созвания земской думы в Москве овладела мною совершенно... Пока будут одни местные собрания, пока мы не посягнем на их министерские портфели, до тех пор они будут смотреть на нас с презрением... Нет!... с бюрократией теперь мириться нельзя. От нее ожидать нечего; ее подарки хуже троянского коня... Нам не суждено устроить с фундамента, а мы должны начинать с крыши»⁴³.

Не имея возможности заняться крышей, приходилось задуматься о фундаменте, о механизмах функционирования органов самоуправления. Славянофильский взгляд на эту проблему также отличался оригинальностью. Так, И.С. Аксаков отрицал необходимость имущественного ценза при формировании земских учреждений. По его мысли, ценз зародился в Западной Европе, к российским реалиям не имел отношения и, главное, в нравственном отношении не был оправдан. С Аксаковым не соглашался А.И. Кошелев. Согласно его представлениям, цензовая система была бы безнравственной, если бы служила ограничению прав отдельных сословий. В России же наоборот – она защищала сословные права землевладельцев⁴⁴. При всей остроте дискуссии, развернувшейся на страницах газеты «День» славянофилы схо-

⁴¹ *Он же*. Записная тетрадь. 1864 – 1865 гг. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1980. Т. 20. С. 181.

⁴² См.: *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского консерватизма / перевод с польск. К. Душенко. М., 2019.

⁴³ Цит. по: *Веселовский Б.Б.* История земства. СПб., 1911. Т. 3. С. 30.

⁴⁴ Там же. С. 25.

дились в главном: самоуправление – дело всей «земли». Всякий должен иметь возможность участвовать в этой работе.

Солидарность и свобода – об этом писали славянофилы, разумеется, привнося свое, особое понимание. Одно из основных положений политической концепции славянофильства – утверждение свободы общества от каждодневной утомительной политической жизни, а, следовательно, и всех проблем, связанных с распределением власти и ее обязанностей. Эта свобода человека гарантируется самодержцем, взявшим на себя тяжкое бремя принятия решений. Но, убегая от политики, общество рискует оказаться в ее «жарких объятиях»: в любом случае оно нуждается в гарантиях от произвола властей. Это был своего рода интеллектуальный вызов славянофильству: предложить механизм ограничений неограниченной власти, задать рамки политического пространства усилиями аполитичного общества. И в отличие от поэтического склада отцов-основателей славянофильства стиль мышления неославянофилов рубежа XIX–XX вв. вполне подходил для решения этой задачи⁴⁵. Будучи предельно «технологич-

⁴⁵ В литературе термин «неославянофильство» (позднее славянофильство) интерпретируется по-разному. В одних случаях неославянофилами называют К.Н. Леонтьева и Н.А. Данилевского (*Чуйко В.* Старое и новое славянофильство // Наблюдатель. 1890. №. 3. С. 107), в других к этому направлению мысли приписывают религиозных философов «серебряного века» (*Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 126). Отсутствие определенности по этому вопросу объясняется тем, что проблема неославянофильства в историографии остается практически неосвоенной. Так, ведущий отечественный исследователь славянофильства Н.И. Цимбаев, в принципе, отказывает этому явлению в существовании: по его мнению, о славянофильстве нельзя говорить уже с 1870-х годов, когда оно начинает постепенно сливаться с земским либерализмом (*Цимбаев Н.И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 231). Консерваторы же начала XX века, именовавшие себя славянофилами, лишь прикрывали свои крайние правые взгляды этим именем (Там же. С.51). Схожие идеи высказывал М. Чадов еще в 1905 г. С его точки зрения, славянофильство как политическая концепция к началу XX в. исчерпало себя и обратилось к началу двадцатого века в реакционное учение (*Чадов М.* Возможно ли возрождение славянофильства // Образование. 1905. №.5. С. 86). Возрождение же славянофильства, по мнению исследователя, возможно лишь при его превращении в исключительно этическую философию (Там же. С. 87).

Е.А. Дудзинская работу, посвященную славянофильству в пореформенной России, заканчивает 1882 годом: по мнению автора, примерно в это время прекращает свое существование классическое славянофильство (*Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 271). Неославянофильство оказалось вне поле зрения исследователя. Казалось бы, идеи поздних славянофилов должны были стать объектом исследования М.И. Пановой, посвятившей свою диссертацию месту славянофильства в общественно-политической мысли в 1850–1917 гг. В действительности, столь пространные хронологические рамки работы не позволили уделить особое внимание специфике идей неославянофильства, и М.И. Панова ограничилась лишь анализом концепций классиков-славянофилов, очевидно, подразумевая, что и представители позднего славяно-

ной», их мысль была нацелена на детальную разработку будущей организации власти.

Модель С.Ф. Шарапова. «Самодержавие в своей свободной, нравственной и просвещенной форме, найдя надлежащие и здоровые органы для своего осуществления, может явиться самой могущественной, самой живой и свободолюбивой формой государственной власти, которая когда-либо доставалась в удел великому народу», – писал видный публицист славянофильского направления С.Ф. Шарапов князю М.М. Андронику 15 августа 1904 г.⁴⁶ Однако, самодержавие может реализовать свой исторический потенциал, лишь приняв «народное», а не бюрократическое обличье. Согласно проекту Шарапова, ключевая составляющая будущей государственной реформы – замена бюрократического аппарата «государственно-земским». Только дела общегосударственного значения должны решаться непосредственно самодержцем и центральными правительственными органами. Причем, активное участие в разработке тех или иных законопро-

фильства оставались верными идеям А.С. Хомякова и братьев Аксаковых. Соответственно, динамичное развитие славянофильства как идеологического направления осталось на периферии исследовательского интереса. Говоря о поздних славянофилах, автор, во-первых, описывает, насколько они соответствовали новым политическим условиям, и, во-вторых, анализирует место славянофильских идей в построениях мыслителей «серебряного века» (*Панова М.И.* Идеи славянофильства в русской общественно-политической мысли в 1850–1917 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук М., 1998. С. 20–23).

В рамках данного исследования представляется наиболее оправданным исходить из определения неославянофильства, вытекающего из характеристики состояния славянофильской мысли в конце XIX века, данной одним из идеологов этого направления А.А. Киреевым: «Мы живем бессознательно, без точной формулировки наших принципов, наши “три кита”, на которых стоит Русь – православие, самодержавие и народность – были, безусловно, тверды, пока на них смотрели с детской райской простотой, но с тех пор, как мы начали относиться критически к этим формулам, мы сообразили, что пора отдать себе ясный отчет в значении их. Отцы славянофильства, конечно, вкладывали в них очень определенный смысл, но со временем, хотя самые принципы остаются неизменными, способ их применения к жизни видоизменяется вследствие изменения видоизменившихся обстоятельств... Можно считать половину XIX столетия эпохой прочного установления славянофильства как теории. С тех пор много воды утекло! Три “кита” поплыли и проплыли далеко. Явились новые факторы, новые вопросы и во внешней, и во внутренней политике России, которые требуют, чтобы русское общество стало к ним в известное отношение; иначе оно будет сбито со своего пути!» (ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 184). Иными словами, позднее славянофильство есть приспособление идей «отцов-основателей» к современным условиям. В этой связи А.А. Киреев не считал ни В.С. Соловьева, ни К.Н. Леонтьева славянофилами (*Киреев А.А.* Спор с западниками настоящей минуты // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 207–208). Для него славянофильство на настоящем этапе – не переосмысление интеллектуального опыта А.С. Хомякова или И.С. Аксакова, а его необходимая конкретизация в соответствии с новыми запросами времени.

⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

ектов должны принимать Земские соборы⁴⁷. Роль всенародного представительства с законосовещательными функциями мог бы выполнять реформированный Государственный совет, в который следовало приглашать выборных представителей от земских областей⁴⁸. «Все же внутреннее управление должно идти в областях посредством излюбленных земских людей на точном основании самодержавно царем даваемых законов при действительной и серьезной ответственности местных выборных людей перед верховной властью и государством»⁴⁹.

Рассуждения С.Ф. Шарапова о необходимости предоставить особую роль органам местного самоуправления были общим местом в интеллектуальных построениях славянофилов. «Самодержавие нам необходимо, но основанное на местном самоуправлении. Поэтому для меня земство есть основа самодержавия. Если же угнетать земство, вообще местных людей, то мы неизбежно придем к конституции в России», – отмечал граф П.С. Шереметев в беседе с министром внутренних дел В.К. Плеве 2 мая 1903 г.⁵⁰

Модель А.А. Киреева. В ответ на работу Б.Н. Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия» А.А. Киреев опубликовал собственную брошюру с очень похожим названием: «Россия в начале двадцатого столетия». Киреев соглашался с диагнозом, поставленным Чичериним современному государственному строю, но отрицал рецепт, выписанный «больному». Если Чичерин видел спасение от беззакония и произвола бюрократии в конституции, то, согласно Кирееву, бюрократ – главный враг исторических устоев и самого самодержавия. Как раз во имя самодержавия необходимо провести реформы, которые способствовали бы обузданию произвола чиновников.

По мнению Киреева, следовало установить различные формы контроля над бюрократией. Для этого, во-первых, нужно было упразднить личный доклад министров императору, с помощью которого сановники навязывали государю свою волю, избегая при этом какого-либо обсуждения важных вопросов в Государственном совете. Киреев считал, что во время доклада любого министра должны присутствовать эксперты, способные дать квалифицированную оценку сказанному⁵¹. Во-вторых, Киреев

⁴⁷ Там же. Л.8 об.; *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление. М, 1903. С. 24, 55.

⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп.1. Д. 26. Л. 28; *Шарапов С.Ф.* Указ. соч. С. 37–38.

⁴⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп.1. Д.26. Л. 8 об.

⁵⁰ РГИА. Ф.1088. Оп.2. Д. 465. Л.3.

⁵¹ *Киреев А.А.* Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С.30; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.65.

предлагал смягчить контроль цензуры над печатью⁵². В-третьих, по его мнению, невозможно осуществить полномасштабную государственную реформу без хотя бы частичной административной децентрализации и, соответственно, упрочения позиций земства⁵³. Киреев также предлагал активнее привлекать «сведущих людей» к разработке государственно важных решений⁵⁴. Наконец, ключевой пункт его программы – учреждение Земского собора, законосовещательного органа⁵⁵. В своей дневниковой записи от октября 1903 г. он так определил требования к создаваемому В.К. Плеве Совету по делам местного хозяйства⁵⁶, который воспринимался Киреевым уже как некая форма представительства: делегаты «земли» должны быть выбраны из среды земства и дворянства, а не назначены правительством. Причем, властям следовало гарантировать свободу выражения мнения при обсуждении государственных вопросов в Земском соборе и право печати публиковать протоколы заседаний, «но не иначе как целиком и безо всяких изъятий»⁵⁷.

Модель Ф.Д. Самарина. С резкой критикой проекта А.А. Киреева выступил Ф.Д. Самарин. Он был славянофилом не в одном поколении – сын видного публициста Д.Ф. Самарина, племянник классика славянофильской мысли Ю.Ф. Самарина и, наконец, сам известный и авторитетный мыслитель и общественный деятель. По сути дела, Ф.Д. Самарин предлагал свой, альтернативный вариант реформирования государственного строя в согласии с идеями «классиков». Контраргументы Самарина фактически можно свести к двум пунктам.

Во-первых, он не верил, что политический кризис можно преодолеть путем институциональных реформ. Политическая практика в Европе, согласно Самарину, свидетельствовала, что тот или иной механизм обеспечения подконтрольности министров и других представителей высшей бюрократии не работает. Ответственность министров – в действительности лишь мираж, мало чем влияющий на работу административной машины. Более того, современная ситуация в странах Западной Европы говорила о не-

⁵² Киреев А.А. Указ. соч. С. 33; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.29 об.

⁵³ Киреев А.А. Указ. соч. С.37–40; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.34.

⁵⁴ Киреев А.А. Указ. соч. С. 34; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.31.

⁵⁵ Киреев А.А. Указ. соч. С. 35; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.35.

⁵⁶ См.: Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С.149–150.

⁵⁷ ОР РГБ.Ф.126. К.13. Л.272 об. – 273.

осуществимости и самого принципа разделения властей, подразумевающего как раз взаимный контроль одной ветви власти над другой⁵⁸. Политическая история европейских стран давала примеры парламентского абсолютизма, попирающего свободы граждан и нарушающего сложившиеся правовые нормы⁵⁹. При самодержавии же вообще не может иметь место тотальный контроль над министром со стороны верховной власти, так как «вмешательство самодержца в текущие дела, – я (Ф.Д. Самарин – К.С.) говорю о вмешательстве по личному почину и ради проведения личных взглядов или ради прикрытия авторитетом самой верховной власти распоряжений министерских, должно бы быть явлением чрезвычайным, исключительным, в интересах самой власти». Таким образом, самодержец должен несколько дистанцироваться от бюрократии: «Сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством, напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия, как подобное отождествление»⁶⁰. При таком подходе говорить об ответственности министра перед самодержцем как об ответственности подчиненного перед главой администрации было бы неправомерным.

Во-вторых, Самарин не верил в русское общество. Он был согласен с определением, данным ему И.Л. Горемыкиным: «людская пыль». По мнению Самарина, общества как «бытового, свободного и органического союза» в России не было. Его отсутствие в значительной мере и предопределяло столь вредное направление, которое приняла деятельность бюрократии. Поэтому возлагать на русское общество определенные надежды было бы ошибочным⁶¹.

⁵⁸ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.17; ОР РГБ. Ф. 265. К.156. Д.10. Л.10.

⁵⁹ Так, Федор Самарин 22 января 1900 г. писал брату Петру: «То, что там (во Франции – К.С.) происходит теперь, должно, кажется, убедить самых горячих защитников парламентаризма, что свобода почти также не обеспечена при парламентском строе, созданном искусственно, как и при самодержавной монархии. В нынешней Франции парламентаризм приводит буквально к деспотическому образу правления. Учреждения и законы изменяются и ниспровергаются ради удовлетворения минутных вождений также легко и просто, как в государствах с неограниченным монархическим образом правления. Не нравится состав суда, разбирающего известное дело (дело Дрейфуса – К.С.), и самодержавному парламенту ничего не стоит передать рассмотрение этого дела другому составу судей. Это ли не произвол, считающийся признаком деспотического образа правления». (ОР РГБ. Ф.265. К.154. Д.9. Л.15 об. –16; См. также: Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.17).

⁶⁰ Там же. С.17; ОР РГБ Ф.265. К.156. Д.10. Л.11.

⁶¹ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.20; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.13.

Оно не могло в полной мере справиться и со своими настоящими обязанностями: Самарин крайне критически оценивал ход земского дела⁶². Подобная «людская пыль» не могла, очевидно, объединиться вокруг некоторых идей, общих положительных начал, ибо ее как раз и отличала разноголосица. Зато она могла сплотиться вокруг отрицательного отношения к исторически сложившемуся социальному и государственному строю⁶³. Общество не могло быть созидательной, конструктивной силой. Помимо этого, Самарин не видел большой разницы между его представителями и бюрократией, так как они принадлежали к одному кругу и все недостатки чиновничества были недостатками и его критиков⁶⁴.

Скептически Самарин относился и к идее созыва Земского собора. Современное общество, столь враждебное верховной власти, забыло «земский характер» самодержавия, а, соответственно, в Земском соборе, где тон будут задавать представители интеллигенции, должны господствовать совершенно иные настроения, нежели это представлялось А.А. Кирееву. Именно они и определяли бы характер взаимодействия самодержца и Земского собора⁶⁵. Самарин видел прямую опасность в созыве хотя бы законосовещательного органа, вокруг которого объединились бы далеко не только славянофилы, но и конституционалисты, увидевшие в нем «первый шаг по пути к парламентаризму»⁶⁶.

Впрочем, Самарин не ограничился только критикой: он предложил и свой проект выхода из настоящего кризиса. По его мнению, коренная причина современных проблем – серьезное недовольство общества властью: «Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо через него она правит, если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие свои надежды связывает с переменной режима»⁶⁷.

⁶² Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.18-19; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.12.

⁶³ Там же. Л.16.

⁶⁴ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.17; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.10.

⁶⁵ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.22; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.16.

⁶⁶ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.41–42; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.17

⁶⁷ Там же. Л.23.

Чтобы нормализовать отношения между обществом и властью, Самарин считал важным провести следующие реформы. Во-первых, все действия правительства следовало свободно обсуждать на страницах печати⁶⁸. Во-вторых, в целях установления большего контроля над деятельностью высшей бюрократии требовалось, чтобы министры как ежегодно составляли программу своих будущих действий⁶⁹, так и ежегодно отчитывались за проделанную работу⁷⁰. В-третьих, печать должна контролироваться не администрацией, а особыми административными судами⁷¹. Им во главе с первым департаментом Сената должна быть подотчетна и вся администрация⁷². В-четвертых, необходимо упорядочить работу приглашавшихся экспертов, «сведущих людей» при выработке того или иного решения. Следовало использовать английский опыт «производства местного опроса и исследования особыми комиссиями смешанного состава или особыми лицами, специально на то уполномоченными от верховной власти, с тем, чтобы эти комиссии или лица имели право опрашивать, кого они найдут нужным, собирать те сведения, которые они признают полезными, и чтобы они были обязаны на основании всего виденного и слышанного выработать предположения о желательных законодательных мерах»⁷³. В-пятых, дабы ходатайства земств более не игнорировались администрацией, необходимо поручить их рассмотрение какому-нибудь конкретному ведомству, например, Государственному совету. При этом представители ходатайствующей стороны должны приглашаться к участию в обсуждении их прошения⁷⁴. В 1905 г., рассуждая о необходимости преобразования настоящего государственного строя, он так определил свою программу реформ: «Нам говорят: что же, по вашему, преобразовать и как? Мы отвечаем: нет такого преобразования, которое одно обещало бы полное излечение. Требуется целый ряд

⁶⁸ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.29; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.28.

⁶⁹ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.28; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.29.

⁷⁰ Там же. Л.28 об.

⁷¹ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.29; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.29 об.-31

⁷² Там же. Л.34 об. -35.

⁷³ Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 4 апр.1905. Харьков. С.29-30; ОР РГБ. Ф.265. К.156. Д.10. Л.31-33.

⁷⁴ Там же. Л.36.

мер. Нужно преобразование Государственного совета, Сената, министерств, местного управления. Нужно освободить государя от массы мелких дел, которые теперь до него не доходят. Нужно дать возможность частным лицам привлекать к ответственности должностных лиц и т. д.»⁷⁵

Так, Самарин, казалось бы, противник институциональных преобразований, в своей программе выхода из кризиса значительное внимание уделил именно формированию и укреплению институтов, способных контролировать бюрократию: это было бы целью введения административных судов, упрочения позиций печати, предоставления новых полномочий Государственному совету и усиления позиций такого института как земства. В этом смысле проект Самарина, как и проект Киреева или же Шарапова, являет собой пример программы именно институциональных реформ, альтернативных конституционной. Согласно всем трем проектам, общественное мнение и правовая ответственность должны были сдерживать административный произвол. Примечательно, что многие правоведы видели природу как раз конституционализма в силе организованного общественного мнения⁷⁶. Кроме того, в юридической науке общим местом было утверждение, что один из ключевых признаков правового государства – наличие независимой от администрации судебной системы⁷⁷. Так что по многим параметрам проектируемая славянофилами модель управления и конституционный режим сходились. Единственное, что оставалось для славянофилов абсолютно неприемлемым, так это учреждение законодательного органа власти в стране.

Однако, и это расхождение можно считать условным. Логика последователей Аксакова, не признававших самодержавие формой абсолютной монархии, неизбежно приводила их к мысли о необходимости существования того или иного ограничителя власти императора. Отталкиваясь от представлений о господстве определенных этических норм, которое не должно было допустить проявлений деспотизма со стороны царя, они, часто сами того не осознавая, высказывались в пользу юридических ограничений полномочий государя.

⁷⁵ ОР РГБ. Ф.265 К. 116. Д. 31 – 33. Л.3 об.

⁷⁶ *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С.79.

⁷⁷ *Котляревский С.А.* Власть и право. СПб., 2001. С.100, 106, 268; По мнению же известного правоведа Р. Гнейста, наличие административной юстиции, которую Ф.Д. Самарин считал столь необходимой, – важнейший, а, может быть, просто коренной признак правового государства. (Там же. С.69).

Модель Д.Н. Шипова. Пожалуй, наиболее показательна в этом отношении позиция Д.Н. Шипова. Он в качестве примера реализации, по существу, славянофильских концепций приводил английскую политическую систему. Именно там власть государя ограничивается не конституцией, а лишь сознанием необходимости единения короля и народа перед лицом стоящих перед страной проблем. По мнению Шипова, солидарность народа и монарха в Англии есть основа государственного строя. «...И я считал вероятным и возможным, что если идея русского самодержавия сохранится непоколебимой в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить в более или менее близком будущем выражение и осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю в Англии», – писал Д.Н. Шипов⁷⁸.

Славянофильский идеал Шипова имел фактическое конституционное выражение. Или, по крайней мере, мнение славянофила Шипова о «лучшем из современных европейских государств» полностью совпадало с точкой зрения убежденных конституционалистов, восхищавшихся Англией⁷⁹. В действительности, сама логика рассуждений Шипова вела его подчас к выводам, противоположным тому, что утверждали отцы-основатели славянофильства. Например, в письме своему близкому другу М.В. Челнокову от 9 июля 1903 г. Шипов, настаивая на необходимости солидарности земских сил, утверждал, что только такое единение «приведет, несомненно, абсолютизм и бюрократизм к капитуляции, и только таким путем возможно установление государственного порядка, прочного, надежного и обеспечивающего возможность дальнейшего прогресса и осуществления общественной правды». Иными словами, Шипов не только требовал упразднения бюрократической формы правления, искажившей суть самодержавия, но и был недоволен неограниченным характером власти царя. Он считал необходимым поставить предел произволу императора⁸⁰. Весьма оригинальные мысли о российском абсолютизме были высказаны Шиповым в письме к Ф.Д. Самарину от 18 января 1900 г. По его мнению, коренная ошибка правления Александра III заключалась в том, что были забыты различия между самодержавием и

⁷⁸ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом / автор предисл. и коммент С.В. Шелохаев. М., 2007. С.288.

⁷⁹ См.: Виноградов П.Г. Местное самоуправление в Англии // Мелкая земская единица: В 2 вып. Вып. 1. С.92; Котляревский С.А. Власть и право. СПб., 2001. С.100, 102 – 103.

⁸⁰ ГА РФ. Ф.810. Оп.1. Д.493. Л.17 об.

самовластием. «Будучи человеком сильного характера и крепкой воли, он (Александр III – К.С.) рассчитывал сам всем управлять и во всех членах государственного управления сверху донизу видел только исполнителей своей воли»⁸¹. Автором утверждалась мысль о необходимости для самодержавной власти сотрудничать с обществом. Если же монарх этого не делает, он перестает быть истинным самодержцем, а последствия этого могут быть самые печальные. Соответственно, подобное сотрудничество – не просто акт доброй воли царя, но его долг перед страной и народом. Если же при этом иметь в виду предложенные Шиповым формы «общения» царя и «земли», то выходит, что с мнением новообразованного Земского собора император будет обязан считаться. В этом как раз проявляются особенности логики председателя московской земской управы: не считая возможным юридически ограничивать полномочия императора, он верит в нравственные барьеры, которые мало чем отличаются от правовых: они безусловны, унифицированы для всех и, главное, предполагают единственный правильный выбор в любой ситуации⁸². Игнорирование же нравственных ограничителей чревато крахом политической системы. Воодушевленный английским опытом Шипов верит в неписаную конституцию, которая на самом деле действует также, как и писаная.

Анализируя же роль Земских соборов в истории России, он доказывал: «Сила и авторитет Земских соборов определялась ни законом, а народным сознанием, что призвание самодержавных государей состоит в том, чтобы творить не свою волю, а быть лишь выразителями соборной совести народа»⁸³. В данном высказывании, очевидно, «спряталась» несколько видоизмененная теория народного суверенитета. Источник власти в средневековой Руси – соборная совесть народа, имевшая свое институциональное выражение – Земский собор. Решения же самодержца не должны входить в противоречие с народной совестью, из чего вытекает, что сама политика государя не может идти вразрез с мнением Земского собора, представляющего народные нужды и

⁸¹ ОР РГБ. Ф.265. К.208. Д.29. Л.38 об. – 39.

⁸² В этом отношении очень любопытна фраза Д.Н. Шипова, сказанная им на заседании кружка «Беседа» 22 августа в ходе обсуждения записки Н.Н. Львова: «...Надо только, чтобы общество могло высказать свои нужды, а верховная власть выслушала, в силу нравственного чувства самодержец, конечно, исполнит желание народа». (ОПИ ГИМ. Ф.31. Оп.1. Д.142. Л.33).

⁸³ Шипов Д.Н. Указ. соч. С.148.

чаяния. Соответственно, настоящий самодержец – вовсе не абсолютный монарх, более того, самодержец – не источник власти. Им оказывается все та же народная совесть.

Теоретические построения Шипова не представляли собой исключительное явление для славянофильской мысли: по существу, схожие вещи писал А.А. Киреев. В своем дневнике он приводил любопытное рассуждение о возможной роли общественного мнения в политической жизни страны. Оно настолько влиятельно, насколько значимы идеи, которые отстаивало. «Если общество будет иметь в виду служение этим идеалам, оно будет так сильно, голос его будет столь авторитетен, что никакое правительство не подумает сметь делать что-либо безнравственное»⁸⁴. У общественного мнения могла быть очень серьезная роль, но только в том случае, если бы оно было «правильным», т. е. отражало взгляды самого Киреева. «Земле» предоставляются большие возможности, но в действительности ее лишают свободы. Только в этом случае могущество общественного мнения Киреева не смущает. Им предполагается ввести регулирующий механизм гражданского общества, но он должен функционировать принципиально иначе, чем в странах Западной Европы. Общественное мнение, инструмент диалога общества с властью, согласно Кирееву, должно обратиться в хор, подпевающий солисту. И все же при всех оговорках Киреев признавал за общественным мнением право контролировать правительство. Все предложенные им способы трансляции общественного мнения (в том числе, и Земский собор) должны рассматриваться именно в этом контексте: их цель – обеспечить «земщине» возможность влиять на политический процесс.

Противоречия Киреева типичны для любой славянофильской концепции, когда так или иначе ставился вопрос об ограничениях императорской власти и вместе с тем они не описывались как элементы политической системы. Славянофилы не уточняли, каковы механизмы взаимодействия между верховной властью и тем, что по идее должно ее сдерживать, вероятно, рассчитывая, что истинное самодержавие будет находиться в постоянной гармонии с общественным мнением или же народным мировоззрением. «Царь есть отрицание “абсолютизма” именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной», – писал Д.А. Хомяков⁸⁵. Иначе говоря, народное ми-

⁸⁴ ОР РГБ. Ф.126. К.11. Л.88 об.

⁸⁵ Хомяков Д.А. Указ. соч. С.114.

ровоззрение есть важный политический фактор, но оно не в силах способствовать изменению формы правления. Или же, если быть более точным, Хомяков даже не может предположить, что самодержавие когда-либо будет противоречить мировоззрению русского народа⁸⁶. Он настолько убежден в гармоничном соотношении воли самодержца и народного мировоззрения, что даже готов признать последнее своего рода ограничением власти императора. Это внутреннее противоречие славянофильства – следствие коренной проблемы, стоявшей перед этим направлением мысли: как совместить сохранение самодержавия с развитием начала общественной самодеятельности? Или же как поставить общество стражем правил политической игры, при этом не вызывая его из политического небытия? Каждая неославянофильская концепция – попытка решения этой задачи; ее неочевидность стала причиной удивительного разнообразия подобных построений.

ХРИСТИАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Как провести грань между законом и моралью? Этот вопрос не вполне разрешен в юриспруденции. Ответ на него относится к числу аксиоматических утверждений. Он скорее принадлежит к области верований, отчасти обусловленных жизненным опытом. Ф.М. Достоевский был против к снисходительности к преступникам. Он верил в спасительную силу каторги, способной перевоспитать виновного. Если же он будет оправдан, то посмеется над судом, всей правовой системой и получит шанс не на исправление, а на новое преступление. Это воспитывает в людях цинизм и представление о вседозволенности. Таким образом, избыточная гуманизация размывает общественные представления о нравственности⁸⁷.

Закон – предсказуемый порядок, оберегающий человек от случайностей произвола. В.С. Соловьев вполне определенно писал

⁸⁶ «Пока у народа преобладают интересы духовно-бытовые, он смотрит на власть, как на нечто, так сказать, служебное, имеющее сравнительно узкую сферу – поддержания того порядка и той безопасности, при которых можно жить безмятежно этими высшими интересами», - писал Д.А. Хомяков. (Там же. С.126) Принадлежность же русских к этим «высшим» народам, не желающим участвовать в борьбе за власть, - аксиома неославянофильства, определяющая одну из характерных черт уникальной русской цивилизации..

⁸⁷ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя, 1873 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1980. Т. 21. С.19.

о естественных правах, которые нуждались в защите со стороны государственной власти⁸⁸. Рассуждая так, Соловьев вольно или невольно вторил Т. Гоббсу. По мысли Соловьева, только в государстве право может найти свое воплощение. Более того, само государство есть воплощенное право⁸⁹.

Будучи вполне последовательным, Соловьев выделяет два важнейших свойства закона: его безличность и публичность. Закон должен быть известен всем: он формирует общепризнанные правила игры. При этом характер применения не может зависеть от фамилии того, на кого распространяется его сила⁹⁰.

Наконец, за законом должна стоять власть, способная его осуществить. Собственно, по мысли Соловьева, в этом и заключается природа власти – силы, обеспечивающей правопорядок⁹¹. Государство – это необходимое условие установления добра в мире⁹². Однако условие обеспечения добра – еще не есть добро.

Владимир Соловьев признавал, что государство в разные эпохи имело различные воплощения. Например, в Элладе государство – это гражданская община⁹³. Практичный Рим ставил на первое место идею «общего дела», т.е. **res publica**⁹⁴. Однако римский «государственный абсолютизм» обрел смысл только тогда, когда его формы были наполнены христианским содержанием – когда *res publica* стала *Pax Christiana*⁹⁵. В.С. Соловьев отмечал разнообразие государственных форм. Их значение было относительным. Однако в любом случае они гарантировали баланс интересов – общего и частного⁹⁶. В этом и заключалось западноевропейское понимание феномена государства. Соловьев полагал, что была и византийская государственная идея. Она строилась на признании особого «сверхправового начала», «которое, не будучи производением данных правовых отношений, может и призвано самостоятельно изменять их согласно требованиям высшей природы».

⁸⁸ Соловьев В.С. Значение государства // Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 3. СПб., 1911. С. 262 – 263.

⁸⁹ Там же. С. 264.

⁹⁰ Там же. С. 263.

⁹¹ Там же. С. 263.

⁹² Там же. С. 268.

⁹³ Там же. С. 265.

⁹⁴ Там же. С. 267.

⁹⁵ Там же. С. 268 – 269.

⁹⁶ Там же. С. 269.

Эта концепция признавалась и в Западной Европе в средние века. Там под сверхправовым началом имелся в виду институт королевской власти. Однако в XIX в. о подлинном монархическом абсолютизме оставались лишь воспоминания⁹⁷.

Византийское сверхправовое начало – совсем иного рода. Это идея христианской империи, а, следовательно, самодержавия совести. Оно не служит изменчивому общественному мнению или же народной воле, которая может оказаться безнравственной. Самодержец «поставлен выше всего этого, – он есть подчиненный, служитель и представитель только того, что по существу не может быть дурным, – воли Божьей, и величие такого положения равно только величию его ответственности»⁹⁸.

В данном случае В.С. Соловьев предлагает удивительный разворот проблемы, пунктирно намечая тему антропологического измерения власти. В его интерпретации нравственный самодержец – любой человек, который обязан поступать по совести. Вопрос лишь – в пределах компетенции. Иными словами, верховная власть в своем государственном служении должно следовать нравственному императиву, общепризнанному для любого христианина⁹⁹. Совесть, лежащая в основании государственной власти, может снять многие противоречия: например, как воспользоваться плодами человеческой свободы, не рискуя обратиться ее в произвол и тиранию¹⁰⁰. Однако византийская идея так и не получила практического воплощения. Константинопольские императоры продолжали служить языческому государству, а не христианскому идеалу¹⁰¹.

В.С. Соловьев предложил новый путь к пониманию власти: надо постараться вникнуть в политическое поведение ее представителя, которое не должно уместиться в привычные правовые формы законодательства. Это своего рода «макиавеллизм» наоборот: деконструкция поведения властных элит, которая основывается не на их априорном цинизме, а на готовности следовать идеалу. Так или иначе она присуща всему обществу. Здесь намечался путь, по которому впоследствии пошли представители школы возрожденного естественного права.

⁹⁷ Там же. С. 270.

⁹⁸ Там же. С. 272.

⁹⁹ Там же. С. 272.

¹⁰⁰ Там же. С. 272 – 273.

¹⁰¹ Там же. С. 274.

В данном случае речь идет о сравнительно позднем тексте Владимира Соловьева, написанном в 1895 г. Как раз в это время правовая мысль в России драматически преобразалась. Новое поколение отказывалось от фетишизации государства. Более того, не будучи анархистской, тем не менее оно не принимало государства как ключевой категории правовой мысли¹⁰². Право первично вне зависимости от того, как его объяснять и понимать. Этот тезис имел своим следствием новые приемы политической борьбы. Однако что будет с государством и его институтами? Как новые подходы к праву отразятся на их функционировании? Как уже отмечалось, образцовой смотрелась Англия. Как бы ее не характеризовали, следуя традиции, заложенной Р. Гнейстом, всякий раз отмечали принцип самоуправления, который лежал в основании всей политической системы. Парламента пока в России не было. Легальных партий – тоже. Местное самоуправление, при всех возможных его недостатках было. Оно казалось тем рычагом, с помощью которого можно было перевернуть мир или, по крайней мере, Российскую империю.

В ПОИСКАХ НОВОГО ГОСУДАРСТВА

В конце XIX столетия публицисты нередко задавались вопросом: как получилось, что в бюрократической империи сохранились «островки» местного самоуправления? Почему самодержавная бюрократия мирилась со существованием земств, дворянских собраний, самоуправляющихся крестьянских общин? На современном этапе кажется более точным поставить вопрос иначе: как соотносить океан недоуправляемой и самоуправляющейся России с теми немногими бюрократическими центрами, претендовавшими на тотальность контроля?

Может быть, чиновничество было просто не в силах контролировать политическую жизнь и по необходимости многое перепоручало обществу? «Ведь практически все-таки есть демаркационная линия (отделяющая полномочия бюрократии от полномочий органов местного самоуправления – *К.С.*). Да, она

¹⁰² См.: *Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М., 2011. С. 74–106; *Туманова А.С.* Общественные организации в России: правовое положение. 1860-1930-е гг. М., 2019. С. 156–170; *Tumanova A.S.* The liberal doctrine of civil rights in Late Imperial Russia: a history of the struggle for the rule of law // *Cahiers du Monde Russe*. 2016. Vol. 57. No. 4. P. 791–818.

создается и меняется, но проходит она совсем не там, где ее хотят видеть – не между местными и общими интересами – она проходит, где кончается фактическое могущество бюрократии, ибо и оно не бесконечно и лучшим доказательством этого и служит самый факт столь долгого существования в России земских учреждений», – писал один из лидеров «Союза Освобождения», видный земский деятель князь Д.И. Шаховской¹⁰³. «Демаркационная линия» возникает лишь вследствие слабости бюрократии. Стоит ей немного усилиться, как тут же «линия» отодвигается. Дальнейшее усиление чиновничества должно неизбежно повлечь за собой обращение земцев в обычных агентов правительственной власти. Подобная ситуация объяснялась тем, что источник власти бюрократа и земца принципиально различался. Органы местного самоуправления основывали свою силу на общественном мнении и представительстве интересов. Бюрократия обладала властью в силу своей принадлежности к системе управления. Расклад сил в обществе, общественное мнение ничего не значат для чиновника и, тем более, не могут повлиять на распределение полномочий между агентами верховной власти и земством. Единственное, что может обеспокоить бюрократа, так это сохранение в неприкосновенности настоящей системы управления. Обладая немалыми полномочиями, он будет делать все, дабы обеспечить status quo¹⁰⁴. Это спорная точка зрения, не подтвердившаяся в годы Первой русской революции. Многие чиновники отнюдь не отождествляли себя с правящим режимом. Напротив, за обеденным столом среди друзей они могли оказаться настоящими оппозиционерами. Тем не менее, ход мысли Шаховского логичен и не кажется беспочвенным.

По его оценке, русское государство основывалось на «субъекто-объектных» отношениях: правительство рассматривало общество как объект управления и мало интересовалось его реакцией на принятые решения. Причина этого крылась в отсутствии ответственности представителей власти, предпочитавших единолично принимать все решения. Такая дихотомия не вполне очевидна. Сложно провести грань, строго отделявшую правительство и общество¹⁰⁵. Очень часто речь шла об одних и тех же

¹⁰³ Шаховской Д.И. Демаркационная линия // Освобождения. № 19. 19 марта 1903. С. 330.

¹⁰⁴ Там же. С. 329–330.

¹⁰⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 35. См. также: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М., 2008. С. 23–26.

лицах, выступавших, правда, в разных ролях¹⁰⁶. Однако риторика рубежа веков действительно строилась на антагонизме: «мы» и «они», общественность и власть.

Был и другой взгляд на ту же проблему. В 1899 г. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин подготовил записку, посвященную возможному введению земства в Западном крае. Это был его ответ на критику С.Ю. Витте, разоблачавшего земство как инородное тело в государственном механизме России. В отличие от коллеги по правительству Горемыкин (а точнее: авторы записки) не считал конституцию неизбежным следствием развития местного самоуправления. Государственность России всегда зиждилась на нем. Еще в XVI столетии появился первый его орган – губные учреждения¹⁰⁷. В конце XIX в. лишь полиция не была проникнута началом общественной самодеятельности¹⁰⁸. Ссылка Витте на европейский опыт не могли быть приняты во внимание, так как по сравнению с народами Запада русские, по выражению К.С. Аксакова, «есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия». Так И.Л. Горемыкин, приводя множество цитат из работ братьев Аксаковых, Ю.Ф. Самарина, А.С. Хомякова, несомненно следуя славянофильским догмам, утверждал необходимость введения земств в Западном крае¹⁰⁹.

«Русское государство в его настоящем есть, по преимуществу, страна местного самоуправления», – делал вывод министр внутренних дел¹¹⁰. Совместное участие правительственной бюрократии и общественности в деле управления страной не противоречит идее самодержавия, а, напротив, составляет характерную черту отечественной политической системы. Особенность России заключается как раз в том, что в ней не решается вопрос о власти, а все по мере своих возможностей участвуют в общем деле управления государством, помогая таким образом самодержавному государю. Иными словами, русскому народу чужда политическая жизнь, но он активно вовлечен в жизнь государственную.

¹⁰⁶ *Веселовский Б.Б.* История земства: В 4 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 588–589. См. также: *Савельев В.В.* Начало земской карьеры Б.В. Штюмерера // Исторические записки. М., 2006. № 9 (127). С. 74–92.

¹⁰⁷ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 108.

¹⁰⁸ Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. Печатная записка № 3072. С. 2.

¹⁰⁹ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 108–110.

¹¹⁰ Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. Печатная записка № 3072. С. 1.

Эти мысли нашли свое развитие в рассуждениях князя А.Д. Оболенского, бывшего в 1899 г. ближайшим сотрудником Горемыкина (судя по всему, автором его записки был С.Е. Крыжановский). В августе 1899 г. Оболенский адресовал письмо С.Ю. Витте, обосновывая собственное понимание самодержавия. Это не просто форма правления, это русская национальная идея: «По этому взгляду самодержавие не есть лишь вершина бюрократической пирамиды, он (самодержец – *К.С.*) есть глава всего народа, солидарный с этим народом (*sic!* – *К.С.*), в котором бюрократия лишь один из элементов...» Царь должен иметь возможность личного общения с народом, не будучи заслоненным своекорыстным чиновничеством. В силу этой причины необходимо укреплять земство, так как лишь оно могло служить некоторым противовесом бюрократии¹¹¹. В марте 1901 г. Оболенский послал Витте новое письмо, посвященное тому же сюжету. Он доказывал, что говорить о несовместимости местного самоуправления и самодержавия значит не верить в последнее. Развитие принципа самоуправления должно стать залогом стабильного и поступательного развития страны¹¹². «Местное самоуправление, правильно поставленное, начатое снизу и доведенное до губернского центра, есть основной рычаг общественной организации, главный фактор группировки общественных элементов. Без местного самоуправления группировка общественных элементов всегда случайна, общество не организовано, это толпа». Ведь в толпе торжествуют крайности: консервативное большинство не может их сдержать. Организованное же общество может противостоять существующему внутри него брожению, тем самым обеспечивая государству необходимую устойчивость¹¹³.

Итак, один и тот же факт воспринимался по-разному лицами, по-своему смотревшими на русскую государственность. Одни объясняли земства относительной слабостью бюрократии, а, следовательно, самого режима, который был вынужден терпеть органы местного самоуправления: сам он не мог полностью контролировать ситуацию в стране. Другие полагали, что местное самоуправление не только не противоречило принципам самодержавия, но было неотъемлемой чертой русской государственности. Разные версии подразумевали разные точки отсчета, свою

¹¹¹ ОР РГБ. Ф. 440. К. 2. Д. 7. Л. 2.

¹¹² Там же. Л.3 об.

¹¹³ Там же. Л.4.

«оптику». Одни видели бюрократические приемы управления, приобретающие со временем все большее ускорение. Трудно было не заметить амбицию многих правительственных учреждений все учесть и все контролировать. Земство – лишь случайный компенсатор временной слабости правительственного аппарата. Оно противоречило «архитектонике» правящего режима. Был и другой взгляд: вторивший славянофилам Горемыкин, исходил из уникальности русской цивилизации. Сравнение российских реалий с европейскими изначально ошибочно. Нельзя теории, разработанные в Западной Европе, без всяких поправок применять в России. Она нуждается в собственном учении. Отталкиваясь от того, что писали «отцы-основатели» славянофильства, Горемыкин и его сослуживцы доказывали, что сосуществование централизованного правительственного аппарата с земством – не нонсенс, противоречащий примерам из европейской истории, а знаменательный факт. На его основании следовало выработать собственный взгляд на местное самоуправление как необходимый элемент самодержавного государства.

При всех существенных отличиях общественная мысль, пытавшаяся предложить конструктивный проект преобразования государственного строя, искала баланс между исторической властью и набиравшими мощь общественными институтами. Монархизм был ее константой. Это не значит, что принималась официальная версия самодержавия. Напротив, публицисты разного толка предлагали собственную формулу государственности, выстраивали свое понимание генеалогии российской власти.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ АНТИРЕСПУБЛИКАНИЗМ

К 1906 г. русский либерализм определился в своем монархизме – в силу разных обстоятельств. Октябристы не отбрасывали славянофильскую риторику, делая «реверансы» в адрес «исторической власти». Кадеты полагали наивным агитировать в пользу республики среди подавляющего большинства монархистов. Они пытались следовать за настроениями избирателей. При этом кадетский монархизм был, разумеется, ситуативным. И все же республиканцев среди либералов практически не было.

Тому способствовал образец, на который можно было равняться, находя разные привлекательные стороны. Речь идет об английской монархии. Для русского общества она была привлекательной еще полвека тому назад. Русское дворянство с зави-

стью смотрело на английских джентри, обладавших не только поземельной собственностью, но и политической властью. Стать представителями своего рода аналога английской поземельной аристократии – цель многих дворянских кружков¹¹⁴. Первый из них – Санкт-Петербургский губернский комитет, подготовивший соответствующую записку (проект всеподданнейшего адреса) императору в 1859 г.: «Дворянство просит дозволить избрать по два выборных с каждой губернии, но с полным уполномочием от своего сословия, и составить из них Собрание Дворянства для рассмотрения положений, какие Редакционной комиссией и Главным комитетом заготовлены»¹¹⁵.

В конце XIX – начале XX вв. и консерваторы, и либералы¹¹⁶ нередко ссылались на английский политический опыт. Зачастую он оценивался как эталонный. При этом интерпретации могли быть самые разные. Как уже отмечалось выше, у Д.Н. Шипова английская политическая система рассматривалась как едва ли не образцовая славянофильская. М.М. Ковалевский, наоборот, не видел значимых отличий между английской конституционной монархией и Французской республикой¹¹⁷. Российские парламентарии периодически возвращались к британскому опыту. Перенимали английскую терминологию. Сравнивали Палату общин и Государственную думу¹¹⁸.

Тем не менее, практика шла вразрез со словами. Депутатам приходилось выстраивать свою линию поведения, исходя из реального расклада сил, особенностей государственных учреждений, политических институтов. Прежде всего, речь идет о включенности Думы в бюрократическую законотворческую машину,

¹¹⁴ *Иорданский Н.И.* Конституционное движение 60-х годов. М., 1906. С. 62.

¹¹⁵ *Хрущов Д.П.* Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II : [Сборник] : [В 3-х т.]. Берлин, 1861. Т. 2. С. 97.

¹¹⁶ *Виноградов П. Г.* Накануне нового столетия // Педагогическое общество, состоящее при Императорском Московском университете. Труды Комиссии по устройству чтений для учащихся. М., 1902. С. 16–17; *Кокошкин Ф.Ф.* Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С. 36–37; *Острогорский М.Я.* Конституционная эволюция Англии (В течение последнего полувека). Падение палаты лордов // Вестник Европы. 1913. № 10. С. 204; *Гессен В.М.* Теория конституционного государства. СПб, 1914. С. 4.

¹¹⁷ *Ковалевский М. М.* Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 237.

¹¹⁸ П.А. Столыпин: Биохроника. М., 2006. С. 212; *Шидловский С.И.* Воспоминания: В 2 т. Берлин, 1923. Т. 1. С. 124; Bakhmeteff archive (BAR). Miliukov coll. Vox. 1. Письмо М.В. Челнокова А.И. Шингареву. 27.07.1909.

которая далеко не во всем изменилась по сравнению с дореволюционной.

Таких особенностей было не мало.

1. Государственный совет по духу, по стилю работы оставался учреждением бюрократического типа. Это определяло отношение его членов к депутатскому корпусу, а также характер работы с законопроектами¹¹⁹.

2. В России продолжал функционировать целый ряд законосовещательных учреждений, составленных из чиновников, которые активно участвовали в процессе подготовки политических решений¹²⁰.

3. В конце концов, Совет министров фактически обладал законодательной властью, доставшейся ему в «наследство» от Комитета министров¹²¹.

4. Право законодательной инициативы депутатов было ограничено¹²². Не стоит в этом видеть российскую специфику. Любая

¹¹⁹ Демин В.А. Верхняя палата Российской империи, 1906 – 1917. М., 2006. С. 83–85.

¹²⁰ Труды Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1909. Т. 2. СПб., 1911. С. 218.

¹²¹ *Кокоскин Ф.Ф.* Совет министров // Русские ведомости. 1 янв. 1910. № 1; Право. 24 янв. 1910. № 4. Стб. 263; *Магазинер Я.М.* Чрезвычайно-указное право в России (87 ст. Основных законов). СПб., 1911. С. 50–51. Схожим образом определил полномочия Совета министров и М.М. Ковалевский в связи с утверждением законопроекта о введении земства в Западном крае. 24 марта 1911 г. на заседании Государственного совета он утверждал: «Если бы признать закономерным действием поведение Совета министров в данном случае, то пришлось бы последовательно прийти к заключению, что статья 87 рассчитана на то, чтобы парализовать действие статьи 86, по которой требуется, чтобы новый закон не мог последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы. Каждый раз, когда Совет министров признает нежелательным для себя решение одной из двух палат по внесенному им законопроекту, ему открыта была бы в таком случае возможность не только в промежутках между сессиями, но и во время перерыва сессии прибегать к статье 87 для того, чтобы обратить в закон законопроект, только что отвергнутый одной из палат. Но это было бы равносильно признанию, что законодательными палатами у нас являются не Государственная дума и Государственный совет, а Государственная дума, Государственный совет и Совет министров, причем последний при разномыслии Государственной думы и Государственного совета имел бы решающий голос. Нелепость такого предположения слишком очевидна; но что оно логически вытекало бы из обращения недавней практики в частую или постоянную, это необходимо бросается в глаза каждому» (Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия шестая. 1910–1911. СПб., 1911. Стб. 1416)

¹²² Следует иметь в виду, что конституционный строй отнюдь не гарантировал представительным учреждениям право законодательной инициативы. Так, согласно французской конституции (хартии) 1814 г., палата депутатов им не обладала. Аналогичная ситуация имела место во Франции в 1852–1869 гг. (*Алексеев А.А.* Бюджетное право французского парламента // Журнал Министерства юстиции. Окт. 1915. № 8. С. 41–42).

политическая система предоставляет правительству ключевую роль в подготовке решений. Вместе с тем в России эта проблема множилась на отсутствие законодательного опыта у большинства представителей депутатского корпуса. Зачастую они оказывались беспомощными в сравнении со своими контрагентами от исполнительной власти¹²³.

5. Некоторые законодательные процедуры сложились еще в дореволюционные времена и не самым радикальным образом менялись впоследствии. В частности, это касается бюджетных правил, предельно неудобных для Государственной думы¹²⁴.

Этот список можно было бы продолжить. Однако и того, что здесь перечислено, достаточно, чтобы утверждать: депутат Думы встраивался в чужой для себя мир. Народному избраннику приходилось приноравливаться к нему. Вместе с тем одним своим присутствием он менял политический ландшафт.

1. Отчасти этому способствовал сам депутат, за которыми стояли различные группы интересов. С их ходатайствами он шел в министерские канцелярии и чаще всего не напрасно. Пребывая там часами, он завязывал контакты с чиновниками разного уровня, договаривался с ними, выстраивал целую систему отношений¹²⁵. Собственно она складывалась сама собой, устраивая практически всех участников политического процесса.

2. Наличие Думы и реформированного Государственного совета обеспечивало публичность политическому процессу в России: разумеется, не во всем и не в полной мере. Однако журналист в хорах Таврического дворца сам по себе становился значимым фактором принятия решения. И правительство, и депутатский корпус оглядывались на читателя газет и хотели ему понравиться¹²⁶.

3. Наконец, драматически новая процедура принятия решений подразумевала ревизию всех привычных алгоритмов законотворчества. Прежние навыки кодификации, редактирования правовых норм, экспертизы проектов становились ненужными. Законодательный процесс заметно рационализировался.

Этот список тоже можно продолжить, при этом не ставя под сомнение то, что было сказано раньше: народный избранник по

¹²³ Вебер М. Политические работы, 1895 – 1919. М., 2003. С. 172.

¹²⁴ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906 – 1914). М., 2011. С. 280 – 289.

¹²⁵ Там же. С. 464 – 480.

¹²⁶ Там же. С. 456 – 464.

необходимости обживался в чиновничьей канцелярии, приравнивая ее к своим нуждам. Политическая система Российской империи того времени конструировалась в ходе думских работ. Она достраивалась в поисках баланса между правительственной бюрократией и цензовой частью общественности. В итоге складывалась думская практика, очень далекая от английских реалий. Это лишний раз оттеняет тот факт, что парламентаризм всякий раз ситуативен в своих основаниях. Он зиждется не на абстрактных идеалах, формально прописанном проекте, а на конкретном соотношении сил тех, кто умеет отстаивать свои интересы. Непродолжительный думский опыт вывел на авансцену обновленный политический класс, включивший в свои ряды и значительную часть цензовой общественности. Ее представители в большинстве своем не признавали республиканских идеалов. О политическом проектировании не думали. И все же постепенно, шаг за шагом они способствовали складыванию нового порядка.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИДЕЯ В 1917 г.

А в марте 1917 г. уже мало кто помышлял о возрождении монархии. Все было решено. Россия осваивала республиканские формы, часто не задумываясь, что это такое. Это редко становится предметом обсуждения и в современной литературе. Казалось бы, все и так очевидно. Бывают монархии, бывают республики. Последних существенно больше. Само их существование – явление весьма прозаичное, не заслуживающее особых вопросов. Проблема в том, что не всегда было так. В начале XX столетия Европа оставалась монархической. В этом не виделось ничего противоестественного. Напротив, чахлая республиканская традиция шла наперекор привычке и тенденциям. Большая европейская республика была одна – Франция, которая при этом большую часть XIX столетия жила при королях и императорах. Да и после утверждения Третьей республики оставались сильны монархические настроения самого причем разного свойства, представленные легитимистами, орлеанистами, бонапартистами.

Во Франции республиканская традиция восходила ко временам революции конца XVIII в.¹²⁷ В США – к трудам и деяниям «отцов-основателей». И в том, и в другом случае республиканцы вспоминали об античных образцах и протягивали свою генеало-

¹²⁷ Зелдин Т. Франция, 1848 – 1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004. С. 420.

гию ко временам древнегреческого полиса или древнеримской добродетели. Также и в России республиканский проект нуждался в обосновании, в собственном мифе. Проблема была в том, что к 1917 г. он фактически не сложился.

Республиканская проблематика все более популярна в современной историографии – и в зарубежной, и в отечественной. Как уже отмечалось выше, за этой модой кроется реальная проблема интеллектуальной истории: необходимость расширения категориального аппарата, а значит и исследовательского «вопросника». Утомительно спорить о либерализме, консерватизме, социализме, всякий раз поясняя, что в каждом конкретном случае границы предельно условные. Большого мыслителя трудно уместить в уготованное ему «прокрустово ложе». В конце концов он не обязан сохранять верность идеалам юности. Он меняется вместе с временем, с обществом. Меняются и представления о либерализме, консерватизме, социализме. В этом бесконечном движении слов и явлений трудно ухватиться за одно верное определение, которое будет подходящим во всех случаях жизни.

Республиканизм – особая политическая традиция, которая складывалась тогда, когда не было представлений о суверене и суверенитете, о естественных правах, более того, о государстве. *Res publica* – та форма общежития, которая не знала категориального аппарата XIX–XX вв. Вместе с тем, она подразумевала сложные формы общественной самоорганизации, свой правопорядок, наконец, опыт самоосмысления (например, многочисленные политические теории античности). Иными словами, мыслить политическое можно и без государства. Оно отнюдь не обязательно при анализе системы власти и подчинения. Это то особое измерение общественной мысли, которое чаще всего выпадает из поля зрения исследователей¹²⁸.

При всей заманчивости этой задачи, искать республиканские «ноты» в русской общественной мысли XIX – начала XX вв. не просто. Интеллектуал так или иначе отвечает на вызовы современности. У него свой категориальный аппарат, приноровленный к текущим потребностям. В своих текстах он с неизбежностью откликается на конъюнктуру. Соответственно, вплоть до событий Февраля 1917 г. разговор о политической сфере, о государстве, о власти чаще всего обходил стороной республиканскую проблематику. Не было смысла спорить о том, что напрочь отсутствовало в актуальной повестке дня.

¹²⁸ См.: *Скиннер Кв.* Свобода до либерализма. СПб., 2020.

Республиканская идея, довольно громко заявлявшая о себе в русской мысли начала XIX в., притихла к середине столетия. В значительной мере это обуславливалось интеллектуальной мутацией второй четверти века. Из-под ног будущих республиканцев была выбита почва в виде привычных для них категорий: нация, закон... Они были переименованы. Нация сменилась народностью. Законность была «освоена» правительством. Общественная дискуссия разворачивалась в ином поле. Спор шел не о будущем, а о прошлом. Интеллектуалы искали особую формулу российской государственности, при этом опускали республиканские сюжеты. Зачастую они предлагали свой вариант республики и республиканизма – но с монархией. Таков был результат многих, в том числе, славянофильских экспериментов.

В России взращивались самобытные политические теории, подразумевавшие новое осмысление государства и власти. При этом они были монархическими или квази-республиканскими: социалисты лишь в редких случаях детально разбирали формы правления. В итоге российский политический класс оказался не готов к тому, что республиканская тема окажется востребованной. А так случилось в 1917 г.

О республике заговорили уже в первые дни после отречения императора. Республиканская идея вполне соответствовала популярным представлениям о характере только что случившейся революции. В основании идеи республики лежит идея порядка, не навязанного извне, а имманентно присущего данной общности. Собственно этот порядок и делает из нее – *populus*, народ. В основании же правящего режима Императорской России лежал авторитет царской власти, а также огромная административная, репрессивная, военная мощь, стоявшая за ней. Неожиданно на авансцену российской политики ворвался новый игрок...

«Это революция единственная или почти единственная в своем роде. Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские. Но революции национальной, в таком широком значении слова, как нынешняя русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали – и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство, не исключая дворянства объединенного, – все вообще живые общественные силы страны. А потому никто не имеет на нее исключительного права», – провозглашала газета «Речь» в начале марта 1917 г.¹²⁹

¹²⁹ Народно-русская революция // Речь. 5 марта 1917. № 55. С. 1.

Иными словами, случилась национальная революция, – об этом часто говорили современники. Это приводило в действие новые механизмы власти, которые невозможно было предвидеть и месяц назад. В интервью газете «Речь» князь Г.Е. Львов, в частности, говорил: «Жизнь находится еще в расплавленном состоянии и в твердые формы, в которые она выльется, намечаются пока лишь в самых общих очертаниях, где многое остается еще неизвестным и определится лишь со временем свободным народным творчеством. Мы переживаем эпоху таких событий, которые, с прежней точки зрения, кажутся чудесами». По мысли Львова, народ «сумел на другой день после великого переворота организовать, создать новую власть в центре и на местах и сохранить порядок»¹³⁰.

Иными словами, республика складывалась сама собой, стихийно. По мысли М.А. Рейснера, в этом и заключается суть республиканской формы правления. При самодержавии государство объяснялось традициями и ритуалами. При конституционном порядке на авансцену выходило «общество», т.е. буржуазия, претендовавшая на политическую власть. Республиканизм подразумевал заметно более радикальный разворот. «Государство» и «народ» должны стать практически тождественными понятиями¹³¹. «Только в демократии нет больше призрачного кошмара власти, стоящий над народом, нет больше противоположности между государством – этой светской церковью казенной благодати – и обществом как средоточием власти капитала и образования. Все это меняет свой образ и подобно тому, как тающий лед расплывается и тонет в воде, так и здесь государство расплывается и тонет в понятии народа»¹³².

Более того, Рейснер полагал, что только при республиканском правлении может восторжествовать правовой принцип. В монархии, особенно монархии абсолютной, совершенно нет необходимости в праве; государь управляет при помощи милости или гнева. Он требует любви и благонадежности, в лучшем случае он оправдывается необходимостью или общим благом». При таких обстоятельствах принцип справедливости совершенно не нужен. Рейснер развивает свою мысль обращаясь к метафоре: «Монархия стремится органически к замене права особо состряпанной

¹³⁰ Беседа с князем Г.Е. Львовым // Речь. 19 марта 1917. № 67. С. 3.

¹³¹ Рейснер М.А. Демократическая республика как форма правления. Пг., 1917. С. 3 – 4.

¹³² Там же. С. 5.

моралью чувств и настроений, семейных связей, религиозных чудес, художественных впечатлений. С этой стороны монархический дух растяжим как улитка, скользок как уж, переменчив как хамелеон – настоящая неопределенная определенность, которая лишь в крайности показывает спрятанные в жирной массе когти и скрытый как в студне осьминога хищный рот»¹³³. Едва ли стоит оспаривать точку зрения Рейснера. Вполне очевидно, что свое понимание права, законности характерно для любого политического режима. Своя интерпретация этих явлений была и до Первой русской революции и после. Важнее в данном случае другое: Рейснер полагал, что правопорядок – естественное следствие самоорганизации населения.

В условиях революции это приобретает выпуклые формы. Однако правотворчество масс должно осуществляться постоянно: например, в ходе судебных решений¹³⁴.

Это как будто бы снимало ответственность с интеллектуалов. Им ничего не стоило предлагать, а только ждать и довериться народному инстинкту. Впрочем, складывавшийся правопорядок мог не во всем их устраивать. Ведь «народное творчество» – это не только метафора. Это обращение к политической практике 1917 г. В частности (и прежде всего), речь шла о стихийном формировании местных органов власти в различных частях страны¹³⁵. К этим формам самодеятельности населения в партии кадетов преимущественно относились отрицательно. В конце концов где пролегла грань, отделявшая народное творчество от хаоса?

Князю Е.Н. Трубецкому вспоминалась сцена десятилетней давности, 1905 г. В Москве разворачивалась восстание. Вдали были слышны пушечные выстрелы и ружейная перестрелка. Перед колокольной стояла старушка и крестилась, приговаривая: «Господи, когда же это, наконец, свободу запретят?» «Страх перед хаосом – таков основной мотив контрреволюционного движения», – объяснял Трубецкой своим читателям. Грань, отделяющая революцию и контрреволюцию, условная. Оружие революции – захват. Оружие контрреволюции – тоже захват. Когда революции обратится в контрреволюцию, заметить трудно¹³⁶. «Захват после

¹³³ Там же. С. 13 – 14.

¹³⁴ *Он же*. Право и революция. Пг., 1917 С. 15.

¹³⁵ *Понтович Э.Э.* Непосредственное народное творчество в области организации местного управления // *Право*. 16 мая 1917. № 15. Стб. 847 – 857.

¹³⁶ *Трубецкой Е.Н.* Анархия и контрреволюция // *Революция глазами современников: в 3 т. М., 2017. Т. 1. Январь – май. С. 144 – 145.*

революции может быть только началом общественного разложения и дезорганизации. Есть яркое олицетворение того хаоса, который отсюда должен родиться: это – наши железнодорожные поезда, захваченные беспорядочною толпою, мчащиеся без расписания. Посмотрите на эти битком набитые вагоны с разбитыми стеклами: в каждом вагоне по митингу, на крышах солдаты рассуждают об устройстве новой жизни в России и падают под колеса, а иным сносит головы на мостах. Этот катастрофический бег захваченного поезда – до жути похожий образ современной России, – точнее говоря, того, чем не должна быть Россия, да послужит же он нам предостережением!¹³⁷»

Складывавшийся порядок очень походил на отсутствие такового. Летом 1917 г. публицисты разных направлений играли образами, предлагали собственные метафоры происходящего: «Представим себе концертный зал, в котором скрипач и публика. Если публика имеет право только слушать и ничем не выражать своего одобрения или неодобрения, то это есть нечто вроде **самодержавия**. Если же публика имеет право аплодировать музыканту или свистеть и тем самым или понуждать его играть дальше, или же уходить с эстрады, то это... правильный **демократически строй**. Но если публика не ограничивается аплодисментами или свистом, а сама лезет на сцену, если толпа учит музыканта, если сопилочные меломаны вырывают скрипку и пытаются водить смычком по струнам, извлекая из благородного инструмента кошачьи завывания, то это... **тот строй, который у нас теперь**. Каков бы ни был скрипач, даровит, или бездарен, все же он неизмеримо выше в отношении музыки тех людей, которые никогда скрипку в руках не держали. Но при самодержавии людям этим разрешалось только слушать, и нельзя было выражать своего протеста даже тогда, когда играли плохо и не то, что нравилось. Удивительно ли, что когда им дали свободу выражать свое мнение, они этим не ограничились и захотели играть более активную роль. Беда именно в том, что разволновавшихся людей сейчас нельзя убедить в том, чтобы они сели на свои места и слушали. Но через некоторое время, разумеется, им надоест и опротивит раздражающий концерт невежд, они рассядутся и потребуют музыкантов»¹³⁸.

Это длинная цитата из статьи В.В. Шульгина, отнюдь не симпатизировавшего либерализму, прежде весьма скептически оце-

¹³⁷ Там же. С. 145 – 146.

¹³⁸ Шульгин В.В. «Пусти, я сам!» // Революция глазами современников: в 3 т. М., 2017. Т. 2. Июнь – сентябрь. С. 24.

нивавшего перспективы «демократического строя» в России. Неожиданно он оказался среди оптимистов, которые верили, что правопорядок в итоге сложится, прежде всего, благодаря силе самоорганизации населения. Пока же об оркестре речи не было. Звучала какофония, которая мало кого устраивала. Вокруг чего должен был строиться новый порядок?

Когда В.Д. Набоков обосновал неизбежность республиканского строя, он его определял как «не-монархию». В этом и заключались преимущества данной формы правления. Набоков не писал о сильных сторонах республики, а только о невозможности возрождения монархии при сложившихся обстоятельствах¹³⁹. Наконец, в сентябре 1917 г. Россия была провозглашена республикой. Что изменилось? В сущности, ничего, – констатировал все тот же Набоков. Тем не менее, произошедшее было достойно внимания. По мнению автора, это было свидетельство поразительной силы слов, которые зачастую подменяли собой смыслы. Набоков писал о магии лозунгов, за которыми порой не замечались масштабные явления¹⁴⁰. Слово «республика» – очередной лозунг, мало значивший для обывателя. Осенью 1917 г. Набоков оптимистических прогнозов не делал.

Приблизительно в те же дни вышла статья Н.А. Бердяева о значении иерархии в демократическом обществе и государстве. По мысли автора, современная ему революция – это красноречивое изобличение лжи эгалитаризма – равенства. Порядок как таковой везде – в природе, в космосе, в обществе – подразумевает строгую иерархию. Без нее начинается хаос¹⁴¹. Иерархия тем более необходима при республиканской демократической форме правления.

Для кадетов это не было откровением. О порядке они рассуждали и в марте 1917 г. На VII съезде кадетов в марте 1917 г. Ф.Ф. Кокошкин выступил с докладом о пересмотре программы. Конечно, на первое место выходили вопросы государственного строя страны, казалось бы, решительно порывавшей с прошлым. Первый тезис Кокошкина не вызывал возражений и тогда, и потом: Россия должна была стать демократической республикой. «Никогда монархия конституционная или парламентарная не была для нас, как для настоящих монархистов, тем верховным

¹³⁹ *Набоков В.Д.* Об Учредительном собрании // Революция глазами современников: в 3 т. М., 2017. Т. 2. Июнь – сентябрь. С. 60 – 62.

¹⁴⁰ *Он же.* Провозглашение республики // Там же. С. 319 – 321.

¹⁴¹ *Бердяев Н.А.* Демократия и иерархия // Там же. С. 321 – 326.

принципом, которому бы мы подчиняли всю нашу политическую программу. Монархия была для нас тогда [в 1905] не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности»¹⁴².

Тогда, в преддверии созыва Первой Думы, казалось, что парламентарная монархия должна была стать ступенью к более демократическим формам правления, так как одномоментный переход от автократии к народоправству часто чреват «срывами». По мнению Кокошкина, в 1917 г. русский народ уже не нуждался в живом символе власти – монархе. Это и вынуждало кадетов отказаться от прежних политических лозунгов. «Монархия подверглась испытанию. Перед нею было два пути. Если бы она пошла по пути признания народных прав и исполнения данных обещаний, то, может быть, тогда судьба была бы такова, какой она является во многих государствах Западной Европы; может быть, компромисс оказался бы у нас столь же живучим, как и там, – но монархия избрала иной путь. В течение 11 лет она, постоянно попирая права народа, разрушала в сознании народа ту связь, которая существует между представлением о монархии и представлением о государстве, она подрывала свои собственные устои и своими собственными руками и готовила свою гибель»¹⁴³.

По оценке Кокошкина, положение стало трагическим в условиях военного времени. Дезорганизуя роль верховной власти сделала невозможной одновременную защиту и отечества, и монархии, что обусловило падение последней. Будущий государственный строй должен быть определен Учредительным собранием. Однако возвращение к монархической форме правления было уже немыслимым. Причем лозунг установления республики должен был объединить большинство политических партий, а также широкие массы, что было чрезвычайно важным в условиях военного времени.

С этим соглашались практически все бывшие монархисты. Кокошкин не останавливался на этом. Он предлагал и свою позитивную программу. Кокошкин предостерегал: введение республиканской формы правления автоматически не обеспечивало наличности институтов правового государства. Республика в построениях Ф.Ф. Кокошкина – не идеал. Это лишь форма, которая может получить различное содержание. Республиканская форма правления была у великого множества латиноамериканских стран. Но в

¹⁴² Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1915 – 1917. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 368.

¹⁴³ Там же. С. 371.

большинстве из них имела место «хроническая диктатура». Дабы избежать этого бедствия, необходимо гарантировать господство права. Иными словами, республика должна быть правовой. Надо избежать республиканского абсолютизма, который имел место во Франции в конце XVIII в., в период господства Конвента. Тогда его именем осуществлялась жесточайшая диктатура, попиравшая все возможные права личности¹⁴⁴.

Дабы Россия не повторила опыта латиноамериканских стран, в основе республиканской формы правления должно было лежать строгое следование конституционным началам, которые ограничивали бы возможный произвол как вождей, так и масс. По этой причине следовало предусмотреть правовые гарантии, которые оградили бы граждан от деспотизма законодательной или исполнительной власти. Для этого надо было ориентироваться на французский (а не американский) образец государственного строя, который подразумевал и президента во главе страны, и правительство, ответственное перед парламентом¹⁴⁵.

Бывшая империя должна была стать подлинно демократической республикой, в которой сама конституционная конструкция обеспечивала бы верховенство права. При этом должна была быть отринута идея самодержавия – цементирующая для пестрого пространства России. Речь шла отнюдь не только об институте монархии. На новом этапе государственные институты – сверху донизу – должны были быть демократизированы. Государство – это не столько столица, сколько провинция. Кокоскин выступал безусловным сторонником децентрализации России. Это было необходимым хотя бы в силу величины страны, а также разнообразия народов, ее населявших. При этом он ставил под сомнение возможность сделать этнографический принцип краеугольным камнем будущего государства. Вопрос был особенно актуальным в связи с обсуждением перспектив федеративного устройства державы.

Это особый сюжет, который заслуживает специального рассмотрения¹⁴⁶. В данном случае важнее другое. В выступлении Ко-

¹⁴⁴ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1915 – 1917. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 374.

¹⁴⁵ Там же. С. 376. При этом президент должен был избираться парламентом. Общенациональные выборы возносили бы его чересчур высоко, придавали большую степень легитимности, что само по себе способствовало нестабильности политического режима (Там же. С. 376–377).

¹⁴⁶ См.: *Соловьев К.А.* Империя после империи: проект Ф.Ф. Кокоскина // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Орел, 2014. С. 115–122

кошкина заключался неизбежный для того времени компромисс, который не позволял оратору выстроить внутренне непротиворечивую конструкцию.

Кокошкин не принимал концепцию народного суверенитета. В его понимании республика должна соответствовать идеалам конституционного государства. Это значит, что власть в ней должна осуществляться таким образом, чтобы обеспечить верховенство права, а не воли – пускай даже большинства населения. Иными словами, демократия должна быть строго подчинена процедуре. Вместе с тем, Кокошкин повторял привычные слова о «непредре-шенчестве», о почти мистическом значении Учредительного собрания, о торжествующем народовластии.

Кадеты давно уже научились риторически обходить эти «подводные камни». В заключении Юридического совещания от 12 апреля 1917 г. есть любопытный пассаж посвященный упразднению Главного управления по делам печати и формированию Совета Российской печати: «Временное правительство действует в единении с общественным мнением, а потому вряд ли возможно серьезное расхождение по взглядам на обсуждаемые в Совете вопросы между Правительством и представителями печати»¹⁴⁷.

Таким образом, Юридическое совещание констатировало:

1. цензура в настоящих обстоятельствах была невозможна, так как Временное правительство и печать, в сущности, представляли общественное мнение;

2. общественное мнение стало источником легитимности новой власти.

Кадеты об этом говорили практически десять лет. К общественному мнению апеллировали по разным случаям. Оно, заявлявшее о себе в периодической печати, давало право надеяться, что кадеты действительно представляли большинство или хотя бы значительную часть населения. Общественное мнение – это суррогат всеобщего голосования, пока такое невозможно. Проблема в том, что в новых обстоятельствах 1917 года оно стало реальным и должно было вскоре осуществиться. Упоминание общественного мнения и прежде служило скорее риторической фигурой. Теперь оно было не слишком убедительным.

Убедительнее звучали слова о народовластии, о крушении старого порядка, о недопустимости воспроизведения всего того, что с

¹⁴⁷ Архив новейшей истории России. Т. XIII: Запись хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март–октябрь 1917 года: В 2 т. / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2018. Т. 1. Март–июнь 1917 г. С. 142.

ним ассоциировалось. Этим оправдывалась ревизия всей системы местного управления и репрессивного аппарата. Но возникали неожиданные вопросы. Так, само устройство армии скорее соответствовало временам абсолютизма, что вполне закономерно. Регулярная армия – детище абсолютной монархии. Можно посмотреть на проблему и с другой стороны: само образование абсолютной монархии было обусловлено необходимостью выстроить и содержать регулярную армию. Полицейское государство так или иначе сошло с политической сцены. Абсолютные монархии отжили свой век. Устройство же армии оставалось прежним – это при том, что армии стали по-настоящему массовыми¹⁴⁸. Армия – лишь частный, но красноречивый случай. Могло показаться, что политические изменения до сих пор были поверхностными, что государство, по сути, оставалось абсолютистским. А значит: подлинные преобразования только впереди.

Что они будут из себя представлять, пока оставалось загадкой. Подразумевалось, что жизнь сама найдет должную политическую форму. Очертания будущей республики терялись в тумане. Еще в марте 1917 г. князь Е.Н. Трубецкой отмечал: провинциальная Россия полна «монархических сомнений». Она не представляла, на чем будет строиться будущий порядок. И будет ли он вообще? Прежний в значительной мере держался на силе инерции, на привычке. «Жила и держалась [Русь], так сказать, милостью Николы Угодника; отчасти держалась глубокими снегами, отчасти держалась тем, что у нас распутица и что люди еще не догадались о том, как можно, какие выгоды можно на этой почве получить»¹⁴⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России XIX столетия не было республики. По крайней мере, до 1917 г. республиканская идея имела мало сторонников. Преимущественно они были из числа политических фантазеров, склонных к отвлеченным суждениям. Непременной нормой казалась монархия. Конечно, и она могла быть разной, что давало возможность для политической дифференциации и правового поиска. Более того, даже самодержавие можно было понимать по-своему. Публицисты XIX в. заметно расходились в понима-

¹⁴⁸ Губер П. Армия и демократия // Революция глазами современников: в 3 т. М., 2017. Т. 1. Январь–май. С. 106.

¹⁴⁹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1915–1917. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 380.

нии российской государственности, ее прошлого и настоящего, а главное – перспектив развития.

Декларируемый монархизм не мешал выстраивать собственную версию желательной политической системы, нередко альтернативной традиционной интерпретации государства. Славянофилы писали о земской природе России, связывающей воедино, в народ великое множество поданных русского царя. В этом случае сходилась на нет набившая оскомину дихотомия «власть – общество».

Народники меняли акценты, отвергли монархию, но во многом следовали славянофильскому пути, отказывая современному Левиафану в праве на существование. Не государственная власть должна мобилизовать массы. Они, массы, должны сложиться в великую силу – народ, когда каждый чувствует солидарность с каждым. Поразительно, как А.И. Герцен, заметно опережая время, объяснял суть республиканизма не формой правления, а мифологией власти.

Впрочем, он был одним из немногих, кто регулярно писал о республике. При этом его продолжателями были также и те, кто о ней даже не думал. Свое понимание государства и власти предложили В.С. Соловьев, подхватившие его идеи правоведы рубежа веков, высокопоставленные сановники, земские либералы. Все они так или иначе ставили вопрос о демонатаже бюрократического государства. В его основу должен был быть положен совсем иной принцип – общности интересов и совместной работы. Самодеятельное общество должно было заменить самодержавную бюрократию.

Разумеется, это была сугубо интеллектуальная конструкция. Практика требовала иного. Даже тогда, когда правительство провозгласило создание законодательного представительства, когда Дума и реформированный Государственный совет начали работать, перед депутатами стояла задача принаравливаться к интерьеру чиновничьих канцелярий. Правда, и в этих обстоятельствах Россия менялась. Однако за трансформациями не было плана. Политическая система собиралась заново, отталкиваясь от уже имевшихся реалий. И только когда храмина рассыпалась, встал вопрос о принципиально новых основаниях российской государственности. Вспомнили о республике. Теперь это слово звучало громче прежнего. Но к моменту ее декларации не было ясно, что подразумевается под республикой, на чем будет строиться власть в новых условиях. Выкликнув заветное слово, ждали политического чуда. Но оно не произошло.

Сведения об авторе:

*Соловьев Кирилл Андреевич –
доктор исторических наук, профессор
РАН, профессор Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономи-
ки», главный научный сотрудник
Института российской истории РАН*

К.А. Соловьев

**RES PUBLICA
В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)**

Формат 60 x 84/16
Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 3,02. Усл. изд. л. 2,82
Тираж 50 экз.

Издатель – Российская академия наук

Верстка и печать – УНИД РАН
Отпечатано в экспериментальной цифровой типографии РАН

Публикуется в авторской редакции

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН)
и распространяется бесплатно